

Станислав Стратиев
Подробности пейзажа

Станислав Стратиев
Подробности пейзажа

www.stanislavstratiev.org

Подробности пейзажа

© Станислав Стратиев, 1987. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2014. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сашко.

Таня.

Дядя Ламбо.

Антон.

Ванька.

Крумов.

Бай Климент.

Гечев.

Вергов.

Бабушка Сашко.

Мать Антона.

Дочь дяди Ламбо.

Жена Ваньки.

Жена Крумова.

Жанна.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене одна возле другой под разным углом оборудованы две похожие одна на другую тесные комнаты, в которых живут герои пьесы. Действие происходит параллельно, следуя своей внутренней логике, оно переносится из комнаты в комнату и возвращается обратно. Действующие лица все время находятся у себя; под воздействием соответствующего освещения нашим глазам открывается нужная комната с нужными действующими лицами, а другая комната, другие лица, окутанные темнотой, исчезают, чтобы в определенный момент появиться снова. Действие открывается ударом гонга и голосом радиодиктора программы "Горизонт", который произносит: "Время восемь часов. Начинаем передачу "Болгария. Дела и документы". Голос диктора заполняет все оборудованные на сцене комнаты. В каждой из них есть радио, передачи которого то слышны, то прекращаются, что в какой-то мере цементирует действие, которое вначале довольно раздроблено.

Сначала зритель видит комнату Сашко. Застланный одеялом тесный диван, дешевый ночной светильник, полка с книгами, дешевый радиоприемник, по радио передают программу передач. Сашко пытается навести в комнате порядок. Дверь распахивается, и в комнату стремительно входит Таня. Молодые люди целуются и поспешно начинают раздеваться.

ТАНЯ. Автобус опоздал... *(Раздевается.)* Лопнула шина... Коллега...
(Снимает пуловер.) По телефону... Однако...

САШКО *(раздевается)*. А я уже думал... *(Целует ее.)* Говорю себе...
(Снимает пуловер.) Она... моя Таня...

Через несколько секунд оба уже лежат в постели, с головой укрывшись одеялом. Свет в комнате гаснет. Действие переносится в комнату дяди Ламбо. Сам дядя Ламбо и его дочь сидят за кухонным столом, накрытым клеенкой, расписанной пионами. Дочь сидит в плаще, охватив голову руками, разговор отца с дочерью явно не клеится. Из радиоприемника, который стоит на обветшалом кухонном шкафу, доносятся звуки радиопередачи: диктор называет цифры, факты, проценты... Дядя Ламбо протягивает руку и уменьшает громкость звучания...

ДОЧЬ. Фактически, отец, ты разбиваешь мою жизнь.

ДЯДЯ ЛАМБО (*очень расстроен, молча качает головой*).

Свет гаснет и в этой комнате. Мы переносимся в комнату Ваньки, куда он в данную минуту входит, шатаясь. Нетвердыми шагами подходит к холодильнику, открывает дверцу – явно в поисках еды. Вынув из холодильника миску с чем-то съедобным, ставит ее на стол и принимается за еду. В комнату входит его жена, лицо которой выражает радостное изумление.

ЖЕНА. Вань!.. Да ты... вернулся?.. Чего же не позвонил?.. Что случилось, с тобой все в порядке?..

ВАНЬКА (*мычит невразумительно*). Пииива!..

ЖЕНА (*не поняла, переспрашивает*). Что ты сказал?

ВАНЬКА (*невнятно*). Пииива! Пииива!.. (*Заметно, что он сильно пьян.*)

ЖЕНА. А-а... сейчас сбегаю, я мигом... (*Выходит.*)

Комната Крумова. Его жена, красивая блондинка, расчесывает свои длинные волосы перед зеркалом в претенциозной кованой раме. Крумов сидит позади жены.

КРУМОВ. Ну скажи, отчего ты меня не любишь? Чего тебе не хватает?.. Мало, что ли, предоставленных в твое распоряжение домов с холодильниками, телевизорами, книгами, культурой?.. Вот картину приобрели – тысячу двести левов не пожалел... если тебе не хватает духовного – вот оно, духовное...

ЖЕНА (*продолжает причесываться*). Позвони телевизионному технику. Он сказал, что в четверг кто-нибудь должен быть дома.

КРУМОВ. Виллу вот достраиваем, бассейн для тебя сделаю, чего же тебе еще?.. Да и... кое на что смотрю сквозь пальцы...

ЖЕНА (*не оборачиваясь*). И одежду из химчистки надо взять...

КРУМОВ. Понимаю – ну, пил бы я, вытворял какие-либо глупости...

Мы с тобой уже больше двадцати лет живем в согласии...

интеллигентные люди... Так чего же тебе недостает?.. Скажи...

Действие переносится в комнату Ваньки. Жена уже принесла пиво: бутылка стоит перед ним на столе. Ванька ест, а жена рассказывает ему о событиях, которые произошли в его отсутствие.

ЖЕНА. Утюг вот купила... потому как старый... Отдала семнадцать шестьдесят...

ВАНЬКА (*ест, громко чавкая*).

ЖЕНА. И шерсть гладит...

ВАНЬКА (*ест*).

ЖЕНА. Чешского производства...

ВАНЬКА (*берет бутылку с пивом, смотрит на этикет: ерунда – пиво не чешское*).

ЖЕНА. Соседка вот ногу сломала... левую...

ВАНЬКА. Мм, мм... (*Ест.*)

ЖЕНА. А гипс наложили на здоровую...

ВАНЬКА (*ест*).

ЖЕНА (*робко*). А ты не думаешь возвращаться?.. Третий год уж пошел как маешься там, в той дыре...

ВАНЬКА. Компота... что – нету?

ЖЕНА (*испуганно*). Нету.

Свет в их комнате гаснет, и действие переносится в комнату, где находятся дядя Ламбо с дочерью. Оба сидят за столом, не меняя поз.

ДОЧЬ. Отец, фактически, ты хочешь исковеркать мою жизнь!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Вовсе нет.

ДОЧЬ. Если не внесем эти деньги – все пропало.

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну нету у меня таких денег!

ДОЧЬ. Заработай.

ДЯДЯ ЛАМБО. Как? Думаешь, это легко? Почему бы не заработать самой? Поработайте и вы, научитесь трудиться...

ДОЧЬ. Ладно, но ты вот у нас всю жизнь ишачишь – и что заработал?

ДЯДЯ ЛАМБО. Я по-другому не могу. А ты, если можешь иначе, – поступай, как знаешь. У меня – вся жизнь в работе. Она меня и сейчас спасает. За работой я чувствую, что живу, не выброшен на обочину, не сижу на лавочке перед домом, дожидаясь, когда меня понесут ногами вперед.

ДОЧЬ. Осел тоже все работает. Молчка, покорно. И что же? В конечном счете его ждет бойня.

ДЯДЯ ЛАМБО. Так ведь на халяву не прожить, доченька... не получается... (*Уходит.*)

Действие переносится в комнату Антона и его матери. Антон починает электроплитку, мать вяжет. За спиной матери горит свечка, озаряя мягким светом небольшую иконку.

МАТЬ. И когда ты женишься, сынок?.. Состарилась я, хотелось бы внучат дожидаться...

АНТОН. Да на ком жениться-то, когда все...

МАТЬ. Уж не первый год тешу себя надеждой, что какая-нибудь тебе приглянется, да все без толку – нет ни конца, ни края.

АНТОН. Такова жизнь, мама. Что делать, если ни одна мне не по сердцу – и потому ни конца, ни края. Не стану же я притворяться, что влюблен?

МАТЬ. Да ведь жизнь-то, сынок, нам для того дана, чтобы как-то применяться – когда так, а когда этак. Другая жизнь – только в раю. Та, какую ты ищешь. Здесь нету. И на все воля Божья!..

АНТОН. Э, нет!.. Ты мне этого не говори! По-твоему – ничего нельзя изменить, на все воля Божья. Что суждено – тому и быть. Так? Нет, все в руках человека, а не Бога. И вовсе не Бог вышиб меня с завода, а главный инженер. И почему-то он не увольняет тех, кто ему во всем потакает!

МАТЬ. Ты думаешь по-другому, не как все, поэтому.

АНТОН. Выходит, лучше не думать вовсе – так что ли? Работать работай, а думать не смей!.. Ну скажи, разве так должно быть?

МАТЬ. Больно много ты на себя берешь, потому и попадаешь в передраги. Ты же у меня грамотный, техник, а дичаешь в той глухомани с окаянной бурильной машиной, а я здесь горе мыкаю одна как перст... А все потому, что много знаешь...

Комната Сашко. Он и Таня в постели – обнимаются, замирают в долгом поцелуе... Неожиданно в комнату входит старушка – это бабушка Сашко. Она застала молодых врасплох. Таня с головой накрывается одеялом. Сашко в растерянности со смущенным видом садится на постели.

САШКО. Бабушка!.. Ты почему не стучишь?

БАБКА. А чего стучать-то... я думала – ты ушел?

САШКО. Так ведь ты тоже сказала, что уходишь!.. И вернешься к обеду!..

БАБКА. Да, говорила я, но пряжа-то приготовлена, а магазин – закрыт, а Сийка – больна, и гостевание мое накрылось... магазин закрыт, но пряжа-то готова... Выбери и ты себе... *(Усаживается на постель.)*

Красную или... *(Ощущает лежащую под одеялом Таню.)* А!.. О... *(Таня сконфуженно высовывает голову из-под одеяла.)* Извиняюсь!..

САШКО *(сердито передразнивает)*. Извиняюсь!.. *(Пауза.)* Ну вот...

Это Таня!.. *(Таня смущенно протягивает руку, а другой рукой придерживает на груди одеяло.)*

БАБКА. Да, да, он про тебя говорил... Добро пожаловать... Хотела вот оставить пряжу, чтоб выбрал, какая ему по вкусу, – красная или белая, а то не успеешь оглянуться как уж лето миновало, а у него нету пуловера, прошлой зимой мерз... Если начну вязать сейчас – к зиме будет готов. Что-то нерасторопная я стала... А в этом доме не то что в

прежнем – нашем... больно холодно... и стены вроде толстые, и оконные рамы двойные, а холодно... Сказано – не свое, чужое...

САШКО (*строго*). Бабушка!..

БАБКА. Ладно, ладно, уже пошла!.. (*Направляется к дверям.*) Схожу-ка на базар... куплю цыпленка... (*Уходит.*)

ТАНЯ (*садится на постели*). Послушай...

БАБКА (*снова возвращается*). Забыла сказать тебе про пуговицы...

Пуговицы есть, об этом не беспокойся... такие, каких ни у кого нет...

САШКО (*вспылил*). Бабушка!.. Сперва – стучи!.. И еще – ты меня достала с этими пуговицами!.. Знаю, что они перешли ко мне от деда!

Знаю, что такие носят настоящие мужчины! Знаю, что на них изображены львы! И что ты их мне то и дело пришиваешь!.. Я что – пожарный?!.. Исчезни!..

БАБКА. Исчезаю... исчезаю... я не знала... (*Уходит.*)

ТАНЯ. Нет, это какой-то кошмар!.. Это...

САШКО. Успокойся!.. Она теперь не придет до обеда!

БАБКА (*появляется опять, к Тане*). А тебя как звать-то?..

Таня закрывает лицо руками. Сашко вскакивает с постели и бежит к бабке, та поспешно уходит. Свет в комнате гаснет. Действие переносится в комнату Ваньки, который сидит, облокотившись на стол, и пьяным голосом заводит протяжную песню. Жена сидит рядом, подпевает. Странно звучит эта мелодия в тесной кухне с развешанным для просушки детским бельем и верхней детской одеждой...

ВАНЬКА (*перестает петь*). Ты чего поешь мою песню, а?!.. (*Дает жене оплеуху.*)

ЖЕНА. Дети, Вань!.. Детей разбудишь, не надо!.. Вань!..

ВАНЬКА (*осматривается*). Какие дети, нету никаких детей. Так я же ради них и потащился в ту чертову глушь... Рабы... Не желаю жить в рабстве, хочу свободы... Потому и одичал начисто в той дыре... свободы... хочу, чтоб были свободными... чтоб стали людьми... а не как мы... как ты... (*Поднимается, закатывает жене еще одну оплеуху и начинает ее избивать.*)

Комната Сашко. Таня сидит на постели уже одетая, обувается.

САШКО. Ну зачем ты оделась?.. Что особенного случилось?.. А?..

Скажи!

ТАНЯ. Ничего не случилось. В том-то и дело, что ничего не случается. Жизнь проходит, а со мной ничего хорошего не случается. Так больше нельзя, сам видишь. Нам некуда приткнуться!.. А слоняться по чужим квартирам, чердакам, паркам мы больше не можем. Вчера было то же самое – у Атанаса.

САШКО. Да, но ведь люди-то оказались там случайно...

ТАНЯ. Вовсе не случайно. Там всегда полно людей.

САШКО. Ничего подобного.

ТАНЯ. Всегда. Там очередь. Не успеем встать мы, как уже следующие стучатся в дверь. Чувствуешь себя, как...

САШКО. Но ведь это не совсем так...

ТАНЯ. Именно так!.. Именно так!.. И больше так продолжаться не может!..

Без стука в комнату входит Жанна, двадцати пяти лет. Осматривается...

ЖАННА. Нет, я больше не могу!.. А что делать – не знаю!.. О!..

(Замечает Таню.) Извините, я не знала...

ТАНЯ (с иронией). Пожалуйста!..

САШКО. Здравствуй, Жанна! Это Таня!.. (Представляет Таню.)

ЖАННА. Очень приятно. Извините, что я так... но он очень
неспокоен... боюсь, как бы он не... А все ушли на работу, никого нет...

Саш, пожалуйста... прости, что я... но...

САШКО. Иду. Я мигом. (Натягивает свитер.)

ЖАННА. Девушка тоже может прийти, чтоб не сидеть здесь в
одиночестве... (Смотрит на Таню, которая хмурится.) Нет, лучше мы
придем сюда. Я сейчас... (Выходит.)

САШКО (смуценно). Надо, чтоб у каждого из нас был свой ключ.

ТАНЯ. Что?..

САШКО. Дела-то всего на пару минут.

ТАНЯ. Нет, нет!.. Никаких ключей!.. Мне надоело – бабка, пуговицы,
ключи!.. Я уйду!.. (Надевает пуловер.) Кто она такая?

САШКО. Жанна, его дочь.

ТАНЯ. Чья дочь?.. Какая Жанна?.. Что это за дочери, которые входят
сюда, как... Господи, и чего я с тобой связалась!.. (Торопливо
причесывается.)

САШКО. Дочь соседа. Ее отец, бай Климент, потерял память. Ничего
не помнит. Каждый день встает в шесть утра и порывается идти в
мастерскую, изготавливать ключи. А его мастерскую разрушили десять
лет тому назад.

ТАНЯ. Что за глупости!.. Какая еще мастерская?!..

ЖАННА (входит, она несет маленький верстак с закрепленными на
нем тисками). Ох... Одейся, приготовился идти. Мама ему говорит:

"Куда это ты собрался?" А он смотрит на нее и спрашивает меня: "Кто это? Что проверяет?" Я говорю: "Ничего не проверяет. Это мама. А ты куда собрался? Да кто же работает в воскресенье?" Мы его каждый раз так обманываем, чтоб оставался дома. А сегодня, видно, в голове у него что-то щелкнуло, и он вдруг говорит: "Так воскресенье-то вроде было вчера?" И хочет выйти. Вот так, и я очень извиняюсь, но это займет всего минут пять... *(Выходит.)*

САШКО. Сделает несколько ключей и успокаивается... на это уходит не больше пяти минут.

ТАНЯ. Не хочу больше слушать ни о каких пяти минутах!..

(Порывается уйти.)

ЖАННА *(входит с отцом)*. А вот и заказчики!..

БАЙ КЛИМЕНТ. Я чуть-чуть опоздал, нужно было закончить с замком, сегодня за ним придут, я принял заказ вчера...

ЖАННА. Оставь замок, отец... Эти люди хотят, чтоб ты сделал им дубликаты ключей...

БАЙ КЛИМЕНТ. А ну-ка, молодой человек, покажи, какой ключ тебе нужен...

САШКО *(протягивает ему ключ)*. Получили квартиру, и вот... Если можно, сделайте еще два, я часто теряю... А можно и больше...

БАЙ КЛИМЕНТ. Можно, можно, все можно, вы люди молодые. А это твоя жена?

САШКО. Да, жена.

БАЙ КЛИМЕНТ *(протягивает руку)*. Очень приятно, Климент.

ТАНЯ *(здоровается)*.

БАЙ КЛИМЕНТ. Красивая жена, браво.

Действие переносится в комнату Антона. Мать продолжает вязать, Антон пьет кофе. Перед матерью стоит перевернутая вверх дном чашка, она выпила кофе и собирается гадать на кофейной гуще.

МАТЬ. Ох, сынок, ну все-таки – почему ты не женишься?

(Переворачивает чашку.) Вот и кольцо обручальное выпало. Твои одноклассники... у них уж дети в школу пошли. Опостылело мне это одиночество. Не дождусь, видно... да мне хотя бы одно внучатко вынянчить. Руки у тебя золотые, с работой один за семерых справляешься, кабы не твой язык...

АНТОН. А вы бы рожали безъязыких!.. Что вам стоит!.. Ведь уже и в пробирках детей делают, выбросьте из пробирки лишнее, оставьте, что вам надо, – и готово!.. А мне с этим моим языком что делать?.. Лузгать семечки и скорлупу выталкивать? Язык!.. Ведь именно с его помощью мы выражаем наши мысли!.. А они хотят, чтобы у нас не было мыслей!.. *(В сердцах выходит.)*

МАТЬ *(обращается к иконе)*. Устала я, Господи!.. Устала, сердце мое уморилось, руки уморились, не хочу больше жить, Господи, не давай мне больше дней, забери к себе... Душа-то моя вся извелась, переполнилась через край, живого места не осталось...

Комната, в которой мы видим дядю Ламбо и его дочь. Там все осталось прежним. Отец и дочь сидят друг против друга, дочь, как и раньше – в плаще.

ДОЧЬ. Да, отец, фактически ты разбиваешь мне жизнь!..

ДЯДЯ ЛАМБО. О, Господи!.. Я же сказал – нету у меня денег. Что удалось прикопить, берегу на квартиру: дом-то вот-вот сносить начнут. Где будут жить твои братья и где буду жить я сам?..

ДОЧЬ *(молчит)*.

ДЯДЯ ЛАМБО. Других денег у меня нет, пойми: нету!.. Вот те крест!.. Где я возьму?!..

ДОЧЬ. Если тебе меня не жалко, то подумай о внуке.

ДЯДЯ ЛАМБО *(потрясенный)*. О каком еще внуке?.. Что – и внук уже есть?

ДОЧЬ. Еще нет, но скоро будет.

ДЯДЯ ЛАМБО *(растерянно)*. Какой внук – ты же не замужем!..

ДОЧЬ *(усмехается устало и печально)*.

ДЯДЯ ЛАМБО. Внук!.. Ну и дела... *(Встает, достает из шкафа коробку из-под обуви, берет из нее деньги и дает дочери.)*

Действие переносится в комнату Крумова. Его жена заканчивает макияж.

КРУМОВ. Ну скажи хотя бы, почему ты меня не любишь?.. Чего молчишь?.. Так больше продолжаться не может, никакого повода я не давал... Отказался от матери, от всего отказался ради тебя, а ты... Скажи!.. Только скажи!.. Я скрипачом стану, штангу готов толкать, медаль завоюю, скажи только, чего тебе надо... Что я должен сделать – это мне скажи!..

ЖЕНА. Хочу, чтоб ты не забыл о приходе телевизионного техника... *(Выходит.)*

Действие переносится в комнату Сашко, где находятся он сам, бай Климент, Таня и Жанна.

БАЙ КЛИМЕНТ. Коли у вас уже есть крыша над головой, а вы еще такие молодые, то вам все по плечу!.. И будьте живы-здоровы, это главное!.. (*Протягивает изготовленные ключи.*) Пользуйтесь на здоровье!.. А хороша молодница, хороша, браво!..

ЖАННА. Идем, отец, там уже другие заказчики дожидаются... пошли...

БАЙ КЛИМЕНТ. Постой, так все-таки, чья это жена?..

ЖАННА. Пошли, пошли... Слышишь?.. (*Берет его под руку.*) Это жена Сашко...

БАЙ КЛИМЕНТ. А кто такой Сашко?

ЖАННА. Да это все заказчики!.. (*Тянет его к выходу.*) Заказчики!..

БАЙ КЛИМЕНТ. А, заказчики... ну, так бы и сказала... идем... (*Уходят.*)

САШКО. Ну, женушка, вот тебе ключи. За пять минут и поженились, и квартирой обзавелись и ключами, знай наших!..

ТАНЯ (*швыряет ключи*). Вот только женой твоей я не стану. Женой – нет!

САШКО. Почему?.. Почему нет?.. Какая муха тебя укусила?..

ЖАННА (*неожиданно входит*). Саш, если пробудешь здесь еще минут пятнадцать, я зайду, чтобы...

ТАНЯ (*резко*). Он будет, будет!.. Заходите!..

ЖАННА. Ах! Извините!.. (*Выходит.*)

ТАНЯ. Вот видишь?!.. Так больше не может продолжаться!..

САШКО. Послушай, ведь главное не это.

ТАНЯ. Ты говоришь: "Люби меня, остальное не важно"... Но ведь через десять... даже через пять лет скитания по чужим чердакам и чужим квартирам, с такими вот Жаннами и ключами, любовь-то улетучится!..

САШКО. Глупости.

ТАНЯ. Мы просто возненавидим друг друга!.. И каждый будет обвинять другого, что тот испортил ему жизнь!.. Я ведь каждый день это слышу дома. То заводится мать, то – отец... А какая была любовь, прямо как в кино... Предпочитаю уйти сейчас, вместо того чтобы через пять лет возненавидеть тебя. Так что-то хорошее все же останется!..

САШКО. Ты мне не оставляешь шанса.

ТАНЯ. Да, так лучше.

САШКО. Давай отложим на завтра, чтобы...

ТАНЯ. Завтра ты меня уже не увидишь.

САШКО. Но почему?

ТАНЯ (*смотрит на него молча*).

САШКО. Почему?

ТАНЯ. Потому что... (*Смотрит на него молча, потом, не выдержав, берет голову Сашко в ладони и целует его в губы.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дачный поселок. Массивная дубовая дверь виллы Крумова. Над дверью – фонарь из кованого железа. Видна часть фасада над дверью: белый камень, белая штукатурка. Слева видна старая деревянная дача с верандой, в которой живет бай Михал Вергов. На веранде развешаны для просушки пучки лекарственных трав. Теплую летнюю ночь озаряет свет фонарей. Стрекогут сверчки. Центральное место

занимает ручная буровая установка, дальше – лес, шум старых дубов, черно-синее небо, ширь лесных просторов. На переднем плане, перед буровой установкой, стоит сбитый из простых досок стол, вокруг стола, на скамейках и стульях, сидят Сашко, дядя Ламбо, Антон, Ванька и владелец виллы Крумов. Они пьют пиво, стол уставлен банками консервов, тарелками с сыром, колбасой и салатом, пивными кружками, бутылками...Надо всем – большой желтый диск луны.

КРУМОВ. Дело не в недостатке, Антон.

АНТОН. А в чем? В его отсутствии?

КРУМОВ. В последнее время мы много разрушаем и мало создаем, в этом все дело.

ВАНЬКА. Так почему бы тебе, Крумов, самому не построить этот колодец? Но ты позвал вот их. *(Кивает на остальных.)* Чтобы они строили. И чтобы я тебе дорогу прокладывал... Почему, а?.. Да потому, что у тебя есть деньги... А без денег-то – ни шиша не построишь!

КРУМОВ. Дело не в деньгах, Вань, а в человеке. Человек должен понимать, что нельзя иметь все. Уж лучше быть в ладу с собой, знать, зачем живешь.

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно.

КРУМОВ. А все эта чертова драка за кусок пожирнее... Так проходит жизнь, а потом оглянешься – позади пусто, ничего не осталось. Жил или не жил, это не важно, важно, чтобы ты всегда был наверху, на плаву!.. Вот только жизнь-то – она колесо, сегодня ты наверху, а завтра сносит тебя вниз... И тогда на кой черт тебе сдался этот жирный кусок?..

АНТОН. Эй, Крум, – ты что – надумал нас в вегетерианцев превратить? *(Указывает на пустые тарелки из-под колбасы.)* Ты нам насчет

жирных кусков зубы не заговаривай, лучше глянь сюда: в тарелках-то пусто!..

КРУМОВ. А, Сашко... ну-ка неси сюда шашлыки, думаю, они уже готовы... *(Сашко поднимается и идет за шашлыками.)*... Речь не об этом, Антон. Ты меня не так понял...

АНТОН. А о чем?

КРУМОВ. Речь о человеке, мы о человеке не думаем... Что у него на душе, как он хочет жить. Оторвали его от матери-природы, заперли в панели, навалили забот, заставили изо дня в день вертеться как белка в колесе... ну как тут жить... Мы об этих вещах забываем, а ведь главное-то в этом.

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно.

КРУМОВ. Сверчки, тишина, природа. Вот настоящее место для человека... Что может его заменить?.. Вот светит луна! *(Пауза, все молча смотрят на луну.)*

ДЯДЯ ЛАМБО. Светит.

АНТОН. Излучает энергию.

ВАНЬКА. Только вот энергия эта пропадает зря.

САШКО. А какая она огромная сегодня вечером.

КРУМОВ. Огромная. Да она всегда такая... Если бы я вам ее не показал... *(Безнадежно машет рукой.)*

ДЯДЯ ЛАМБО. А человек-то и до нее добрался. Интересно, как ему было там, в потемках?

ВАНЬКА. Ты о нем не заботься, он американец... И почему – в потемках, ты что – не видишь: там светло?

АНТОН. Это отсюда кажется, что там светло.

КРУМОВ. В газетах пишут, половину луны уже распродали. Разбили на участки.

АНТОН. Почему бы тебе не купить один. И нас бы позвал туда – воду искать. Эх, мы бы там забурили.

КРУМОВ. Давайте-ка сперва бурите здесь, а потом уж – там... Да вы ешьте, ешьте, чего перестали...

ВАНЬКА. Ты вот себе виллу отгрохал, тебе легко рассусоливать – "сверчки, луна"...

ДЯДЯ ЛАМБО. Да человек-то тебе вовсе про другое толкует, соображать надо.

КРУМОВ. Ты все цепляешься за конкретику, за материальное. А на свете есть и другие вещи, Вань, я о них говорю. Вот ты смотришь на эту красоту вокруг нас, неужели у тебя сердце не екает?

ВАНЬКА (*оглядывается по сторонам*). Нет, не екает. А знаешь почему? Рюмка-то у меня уже пустая!..

КРУМОВ. Спасибо, что подсказал, схожу, принесу вина. Я специально остудил. Доброе вино – мускат, карловский...

ВАНЬКА. Водки анисовой тоже не мешало бы... Слышь, Крумов?!..

КРУМОВ. Ясно, Вань, будет и анисовая!..

ВАНЬКА. Вот теперь у меня екнуло...

(*Крумов уходит.*)

АНТОН (*ему вдогонку*). Bravo, Крумов, так и до воды скорее доберемся...

ДЯДЯ ЛАМБО. Стоящий человек этот Крумов...

АНТОН. Саш, ты опять где-то витаешь?

ВАНЬКА. Ясно, где он витает. Саш, как зовут твою подружку?

САШКО. Таня.

ВАНЬКА. Он куда ни глянет – все Таня перед глазами. Вот и сейчас – смотрит на луну и представляет, как он там с ней прогуливается.

Только вот поцеловать-то ее не сможешь – там, на луне, все расхаживают в скафандрах... А просто так слоняться... какой смысл...
(Смеется.)

САШКО. У тебя одни шуточки на уме!..

ВАНЬКА. Ты вот, Саш, на меня смотришь свысока, я для тебя никто, бульдозерист недоделанный...

САШКО. Да ты не обижайся, Вань...

ГЕЧЕВ (*появляется неожиданно со стороны дороги*). Как дела, ребята? Уже освоились? (*Все встают.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Освоились, товарищ Гечев, вот установили буровую, завтра приступаем.

ГЕЧЕВ. При такой луне вы сверкаете издали, будто из золота! Доброго вам вечера!..

ВСЕ. Доброго вечера!.. Здравствуйте!.. Добрый вечер!..

ГЕЧЕВ. Да вы сидите, сидите. (*Тоже садится.*) И костер развели, прямо как в пионерском лагере... Можно расплакаться от умиления. Я вот пока поднимался сюда, лет на двадцать помолодел... Чувствую – легкий стал, прямо как перышко. А ну-ка, что вы здесь пьете? (*Ставит на стол бутылку виски.*) Это, думаю, не будет лишним, как по-вашему?.. (*Наступает всеобщее оживление.*)

ВАНЬКА. Да, напиток – что надо!..

ГЕЧЕВ. Не могу похвастаться хорошим вкусом, но лично я признаю только этот!

АНТОН. Э, кроме вкуса, нужны еще и деньжата.

ГЕЧЕВ. Я, как вы знаете, из той партии, где деньги!.. (*Смеется, пьет.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Так будем же здоровы!.. (*Пьет.*)

ГЕЧЕВ. Ну, как по-твоему, дядя Ламбо, получится у нас?

ДЯДЯ ЛАМБО. Завтра приступаем, надеемся, что попадем на воду...

ГЕЧЕВ. Попадем, дядя Ламбо, обязательно попадем, раз ты здесь... Да ведь и Крумов удачлив, ему во всем везет... А что твои молотчагистуденты, как у них с учебой – порядок?

ДЯДЯ ЛАМБО. Порядок. Учатся, надеюсь – даст Бог – выбьются в люди.

ГЕЧЕВ. Обязательно выбьются, дядя Ламбо, главное, чтоб были живы-здоровы. Ну, а теперь слушайте, что я вам скажу: как покончите здесь, есть еще двое заказчиков: близко – метров триста отсюда, в той стороне, где река... Пойдете сами прямо туда, не ждите, пока я приду и вам все объясню, не стоит терять время зря. Спросите зубного врача, он тут один, другого зубного врача нет. Потом переберетесь к Кафтанджиеву. Трехэтажная вилла, недостроенная... мрамор из города Балчик... А ты, дядя Ламбо, так и скажи Крумову: вода будет, а то он опять начнет ко мне приставать... (*Крумову, который возвращается с вином.*) Разве не так, Крумов? А ведь это не от меня зависит – от них...

Будешь регулярно поливать – вода гарантирована, а иначе... откуда...

КРУМОВ. Да я поливаю, не могут пожаловаться. Ну, за добро пожаловать! Ваше дело – пробурить колодец, насосом я уже обзавелся. А что это вы пьете без меня?

ВАНЬКА. Э, такое питье не про тебя, уж больно качественное!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Как сказал товарищ Гечев, вода будет, завтра приступаем, будь спокоен!..

КРУМОВ. Да, у соседа вот угадали, а у меня... кто знает...

ДЯДЯ ЛАМБО. Я ее чувствую, чувствую, что она есть, куда ей деться...

КРУМОВ. И прутьики виноградные это показали, да и я Бога ничем не прогневал... надеюсь. Вода – великое дело, с нее началась жизнь, она родоначальница человека... Ну же, будем здоровы!.. (*Чокаются, пьют, все повеселели.*)

ГЕЧЕВ. Эх, а леса-то здесь какие!.. Ну как тут не запеть, черт возьми, я себя чувствую повстанцем, комитой, тем, для кого в старину лес был родным домом!.. Как не запеть, а?

Возбужденные, разгоряченные, они запевают задушевно-печальную песню о любви к родной природе, о желании слиться с ней... Все поют, а из соседней дачи, где на веранде сушатся пучки лекарственных трав, выходит Вергов и направляется к поющим. В руках у него большая бутылка.

ГЕЧЕВ. А-а, Вергов, ну здравствуй!.. Выходит, ты, брат, еще живой?!.. (*Смеется.*)

КРУМОВ. О, сосед, милости просим!.. Прошу!.. (*Пододвигает стул к столу, чтобы Вергов мог сесть.*) Ребята, знакомьтесь, это бай Михал!..

ВЕРГОВ. А я услышал песню и подумал... Добрый вечер вам всем!.. Да, это я, тот самый, кого все зовут бай Михал!.. Уж больно душевно вы поете... вот мне и захотелось... присоединиться.

КРУМОВ. Очень хорошо сделал. Знакомься: это Антон... а это вот Сашко и дядя Ламбо, они здесь будут воду искать, пробурят скважину...

ВЕРГОВ. Вы вот, как я вижу, большое дело затеяли... вижу... Очень приятно. Очень... Молодцы ребята...

КРУМОВ. Гечева ты знаешь, с Ванькой тоже давно знаком.

ВЕРГОВ. Ваньку я знаю, как же. Познакомились. Он сюда не одну дорожку протоптал... Знаю его, знаю... Хороший парень, и собою пригож...

КРУМОВ. Да, а это Вергов, бай Михал, сосед мой, он собирает лекарственные травы, живет здесь почти круглый год, только не зимует...

ВЕРГОВ (*потягивает Ваньке бутылку*). Вот, здесь пятнадцать трав. Один глоток – и помолодеешь лет на пять.

ВАНЬКА (*отпивает глоток*). Брр-ррр! Тьфу!.. (*Выплевывает выпитое.*) Э, бай Михал, что за отраву ты мне принес, скажи? Какой бурьян заставляешь меня пить?

ВЕРГОВ. Здесь зверобой, тысячелистник, дурман, дикая мята и еще одиннадцать трав, а какие – секрет, все не назову...

ВАНЬКА. И ни капли алкоголя!.. (*Сплевывает.*)

ВЕРГОВ. Да. Ни капли нету. Я трезвенник. С 1922 года. Моя марка. "Элексир Вергов" – так называется.

ВАНЬКА. Тоже мне – элексир!.. Я-то думал, будет вишневка или другая особая ракия, настоянная на травах... (*Сплевывает.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Бабка моя готовила такие настойки... против разных болезней... Все лечила...

КРУМОВ. Мы давным-давно про это забыли... А жаль. Ведь еще в старинных болгарских книгах имелись рецепты для лечения травами!..

САШКО. Есть целая книга, отдельная... забыл, как называется...

ТЕЧЕВ. Никто ничего не записывает, никого не спрашивает, ничего не делает. А ведь это огромное богатство... за деньги не купишь...

АНТОН. Есть целая медицинская... наука... фитотерапия!..

ВЕРГОВ. В этих лесах один я собираю целебные травы... Молодые нынче не знают пользы ни одной целительной травы... Даже названий и то не знают...

ДЯДЯ ЛАМБО. Я знаю только подорожник... который для ран... других никаких.

КРУМОВ. Так они ведь имени-отчества собственного деда не знают, где уж тут знать травы!

ГЕЧЕВ. Худо то, что наши знания тоже кончаются на прадедах, а дальше – непроглядная тьма!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно.

ГЕЧЕВ. Кто мы такие... Откуда берет начало наш род, и какие мы... У нас в головах ветер!..

АНТОН. Потому что так уж все устроено – с нас начинается и нами кончается. Нет ни вчера, ни завтра. Мы – и больше никого!.. Кое-кто даже имени своего прадеда не знает!.. А попроси назвать десятку лучших поп-музыкантов, сразу назовут, но вот сказать, как звали деда, затрудняются!.. Причем музыканты-то – у черта на рогах, в Америке, а дед – как-никак под боком, кровная родня!..

ВАНЬКА. Ну, Антон, ты меня сразил наповал, целую ночь теперь буду вспоминать, как звали моего прадеда!.. А ведь ты прав!..

АНТОН. Надо же, какой сознательный!.. Чисто по-болгарски!..

ВАНЬКА. Да нет же, в самом деле ты прав!.. Это просто свинство!..

САШКО. Тихо! Бай Михал хочет что-то сказать!.. (*Указывает на Вергова, который встал и поднял руки.*)

ВЕРГОВ (*выдерживает паузу, все взгляды обращены к нему*). Да, легко... забываем...

САШКО. Именно... И трудно запоминаем.

ВЕРГОВ. А память – самое главное... И для роботов и для компьютеров самое главное – память. Корни... корни... Забываем...

ДЯДЯ ЛАМБО. Человека без корня – ветер сносит.

ВЕРГОВ. Земля-то корнями крепка... Следует помнить, чтобы знать. В этих лесах, к примеру, гайдуки когда-то бродили... С предводителем Каратанасом!.. *(Показывает с помощью рук, какие у того были усы.)*

ДЯДЯ ЛАМБО. Как его звали, говоришь?

ВЕРГОВ. Каратанас! И сколько легенд, сколько песен про него сложено, да кто их помнит. Исчезли бесследно...

КРУМОВ. Э, да что там говорить! Скажи мне, например, ну кто сегодня помнит имя знаменосца отряда, предводителем которого был Христо Ботев?.. Будто у нас были тысячи таких отрядов!

ВАНЬКА. Да можно ли после этого называть нас людьми!..

АНТОН. Чисто по-болгарски!..

ГЕЧЕВ. Взять русских, англичан, французов – у них кладбища, как музеи...

АНТОН. Мы не знаем, где похоронен наш апостол Васил Левский... а вы – про имя знаменосца отряда Ботева...

Все возбужденно разговаривают, их голоса – смелые, критичные, звучат все громче и громче. В конце концов Сашко, кому надоело слушать, во весь голос воскликнул: "О-оо!.. О-оо!.." Ему откликнулось эхо.

ВСЕ. Э-ге-ге!!.. Э-ге-ге!! Каратанааас!..

Глубокая ночь. Гечев и Вергов уже покинули компанию. Сборище подошло к концу: Сашко стал убирать со стола рюмки и тарелки. Крумов принялся развивать

свои философские теории перед изрядно подвыпившим Ванькой и Антоном. Дядя Ламбо, не выдержав, поднялся и ушел.

КРУМОВ. Чтобы тебя запомнили... нужно оставить след... Посадить дерево, дом построить, выкопать колодец... Пока тебя помнят, ты жив, ты жил, ты есть... Созидать – вот что необходимо!..

ВАНЬКА. Созидать? Да чепуха все это!..

КРУМОВ. В природе, Вань, все взаимосвязано: начиная с простейшей инфузории – туфельки и кончая человеком. Все – единый сложный организм, где одно без другого не может существовать. Нарушая одно, мы нарушаем и другое, и третье, все летит к чертям. В этих делах у всего свое место: и у пчелы, и у червяка, и у цветка, расстроишь ли, уберешь одно – рухнет все мироздание... Исчезнет гармония.

ВАНЬКА. Ну, это ты уж сильно загнул: чтоб из-за какого-то червяка...

КРУМОВ. Именно так. Это все равно, что в моей вилле разрушить одну несущую колонну. Всего одну, но, лишившись ее, здание рухнет.

ВАНЬКА. Рухнет, потому что тебе подсунули никуда негодный цемент, вот почему.

КРУМОВ. Да, вот к чему приводит... объяснение законов гармонии бульдозеристу!.. Между прочим, почему ты решил, что цемент негодный?

ВАНЬКА. О, мне эти номера давно известны. На мешке написано "номер 500" – выходит, первый сорт, а там – ужас сколько всего намешано. Отсыпают и...

КРУМОВ. Ты это говоришь, чтоб уклониться от главного вопроса. А вопрос-то вот в чем: нужно жить природосообразно. Понимаешь? Мы вот уже и стратосферу продырявили... Скоро не будет ни воды, ни

воздуха, чтоб дышать. А естественное место человека – на лоне природы. Я эту виллу, думаешь, почему построил?.. Потому что здесь мое естественное местопребывание...

АНТОН. Эй, Крумов, ты сейчас парня так напугал, что он станет бояться – как бы ненароком своим бульдозером не задавить муравья.

КРУМОВ. Нет, так нельзя, природа нас создала, а мы на нее руку поднимаем... что, Вань, разве не так?..

ВАНЬКА. Так что же делать-то?..

Постепенно свет гаснет, у догорающего костра видны фигуры беседующих мужчин, над ними – полная желтая луна. Слышится пение сверчков.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Буровая установка в действии. Дядя Ламбо, Антон и Сашко описывают круги вместе с буром, пытаются ускорить его обороты, мерное поскрипывание вдруг нарушает звук выключаемого двигателя подъехавшего автомобиля, и к работающим подходит Гечев.

ДЯДЯ ЛАМБО. А, Гечев!... (*Бурильщики приостанавливают работу.*)

ГЕЧЕВ. Ну как, ребята? Появилась вода?

ДЯДЯ ЛАМБО. Пока нет. Больно неподатливый песчаник попался, с трудом ворочаем... Но все одно – доберемся...

ГЕЧЕВ (*прерывает его*). А теперь слушайте!.. Ванька был все утро здесь, никуда не отлучался. Работал вместе с вами. Когда вас спросят, отвечайте: "Только что отлучился, пошел на третий километр за пивом. Минут пять как ушел"... Поняли?..

Может быть, никто и не придет, но если придут... А если в это время он появится, тогда пиво отпадает, само собой. А ему особо передайте, что я ему своими руками голову оторву, вот только освобожусь маленько!..

САШКО. А что такого он натворил?

ГЕЧЕВ. Совсем очумел парень в этих горах. На седьмом километре вздумал глушить рыбу, бросил бомбу в водохранилище. А там, сами знаете, водозащитная зона, полно охраны, а наш олух набивает пазуху рыбой и не смотрит по сторонам... На его счастье я проезжал мимо, пару раз просигналил, и он драпанул вверх по склону... А я подъехал к охранникам, скорее, говорю им, мы его перехватим на окольной дороге. Усадил в мой "Москвич" и полчаса катал по горным дорогам, естественно, в противоположном направлении...

ДЯДЯ ЛАМБО. То-то я диву дался, почему нынче утром не слышать гудения бульдозера.

ГЕЧЕВ. Насчет рыбы – не велика беда: будем все отрицать, у них нет доказательств, а вот если про бульдозер пронюхают да смекнут, что он находится здесь, тут уж придется раскошелиться... Ребята-то они молодые, сметливые, того гляди сообразят, что к чему... Я спрячу бульдозер и унесу ноги, чтоб они меня здесь не застали, а то – догадаются. Вы же скажите этому горе-рыболову, пускай держит себя в руках, потому как ко мне человек десять уже приставали, чтоб взял их сюда, на его место. Еще один такой номер – придется ему дальше сидеть на одной зарплате!.. Чтоб знал!.. У меня, видите ли, других дел нету, как катать милицию на своей машине!.. *(Уходит.)*

ДЯДЯ ЛАМБО. Что за народ... бомбу бросать...

ВЕРГОВ (*который сидит на веранде*). Цц-ц-ц!.. Бомба!.. Подумать только – бомба... Ну и ну!.. (*Машет безнадежно рукой.*)

АНТОН. Чудеса – отдай все и мало... Гечев катает милицию... В овечьей шкуре.

ДЯДЯ ЛАМБО. Потому как у вас голова набита соломой. Вот и ты туда же: "в овечьей шкуре". Ну скажи, чего ты прицепился к Гечеву?

АНТОН. А ты почему к нему подлизываешься?

ДЯДЯ ЛАМБО. Э, брат, река вон тоже, когда встречает на пути гору, омывает ее, делает крюк...

АНТОН. Ну и где ты видишь эту гору?

ДЯДЯ ЛАМБО. А вот тебе кругом видятся только кочки. Но уж коли ты думаешь, что человек этот просто-напросто кочка, то на худой конец прояви обходительность, доставь ему приятность. Тебя от этого не убудет!..

АНТОН. А тебе откуда знать – убудет или не убудет!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Человек дает тебе кусок хлеба... и многим другим, кроме тебя.

АНТОН. Верно – дает. А сколько берет себе?

ДЯДЯ ЛАМБО. Да ты брось чужие деньги считать. Лучше считай свои.

АНТОН. Пересчитать его деньги у меня вряд ли получится, мне это не по зубам. Но ты прав... мы должны на него молиться, для нас он все равно что Господь Бог!

ДЯДЯ ЛАМБО. Э, скажешь тоже – Господь Бог!..

АНТОН. А ты сам подумай: ведь все, что нас здесь окружает, кто создал?.. Гечев. Он – все: земля, вода, дороги, колодцы, деревья...

Кейфуй, радуйся – тут тебе и переносная буровая машина, и дорога, и бульдозер, чтобы подравнивать землю на участках, и чернозем,

который дает три урожая, – все, что твоей душе угодно. Пустыню превращает в сад!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Способен – вот и превращает.

АНТОН. Но за приличное вознаграждение. Смекаешь, в чем разница? Ведь машины-то государственные!.. А тебе не кажется странным, что один человек может распоряжаться и буровой машиной, и грузовиком, и теплицами, и монастырем, и бульдозером с бульдозеристом в придачу, о нас я уже не говорю, мы всего-навсего часть его движимого имущества.

ДЯДЯ ЛАМБО. Буровая машина – лично его, он собирал ее из частей бракованных машин.

АНТОН. Эх, дядя Ламбо, не морочь нам голову, машина-то эта почти новая, ее выбраковали специально ко дню рождения Гечева. А он в знак благодарности подарил этим добрым людям четырех поросят из своего свинарника – из того самого, что устроил в монастыре.

ДЯДЯ ЛАМБО. Каких поросят?

АНТОН. Почти молочных. Чтобы те сказали: мол, ну зачем вы, не стоит так выкладываться... понимаешь? А поросята-то уже тю-тю, сказали... Как их вернешь!.. К тому же из монастыря – грех!.. И оставили!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Я вообще не желаю тебя слушать!..

АНТОН. Эх, дядя Ламбо, я одного не могу понять: ты вот работаешь, как... а в то же время пресмыкаешься перед Гечевым. Даже когда его нет. Понимаю, бил бы ты баклуши!..

САШКО. Антон!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Больно много ты знаешь, Антон. А сам ведь тоже ишачишь бок о бок со мной. Да, ты человек грамотный, техник, нам не

чета. Но уж коли так много знаешь, чего бы тебе не послать Гечева ко всем чертям и не смотать удочки?

АНТОН. Я человек свободный, дядя Ламбо, осточертели мне начальники, которые меня учат, как я должен думать, и другие глупости разглагольствуют на собраниях, а я должен это выслушивать. Вот почему я здесь, если хочешь знать, потому что здесь нету начальников, нету собраний, а Гечев, что бы мы ни говорили, мужик дельный. А надумает заставить меня работать в монастыре, который он превратил в свинарник, то я не стану, даже если пообещает платить втрое больше. Потому что не одобряю этого. Да я и с ним, пусть только попробует наступить мне на любимую мозоль, церемониться не стану – пошлю подальше, и только меня и видели.

ДЯДЯ ЛАМБО. Ладно, ладно, давайте работать, нам-то платят не за болтовню, а за метры выработки.

Некоторое время все молча крутят рукояти буровой машины, солнце начинает припекать, из ближнего леса доносится пение птиц. Прибегает Ванька.

ВАНЬКА. Вкалываете, черт возьми, можно подумать, что вас собираются снимать для киножурнала. Нет, вы просто цари!.. Ну здравствуйте!

САШКО. Привет, Вань!..

АНТОН. А, Вань!.. Где пропал?..

ВАНЬКА. Где! На бульдозере, где же еще, ишачил... весь обгорел на солнце!.. *(Пауза. Смотрит на работающих.)* Есть-то будем?

ДЯДЯ ЛАМБО. У тебя только это на уме.

ВАНЬКА. А что? Я вам, частникам, не ровня. Обо мне государство заботится: трудовой кодекс, восьмичасовой рабочий день, профсоюзы. Ну да ладно, давайте обедать!.. Солнце-то вон уж где... (*Бурильщики не бросают работу.*) Как бы кого-нибудь из вас не хватил солнечный удар, уж больно выкладываетесь... Эх, великое дело – труд, черт возьми, опьяняет, как ракия, нельзя оторваться... А на душе-то так легко, так радостно...

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну, теперь его не остановить до самого вечера, все уши прожужжит, шалопай этакий...

АНТОН. Оставь его, пускай выговорится.

ВАНЬКА. Вам-то легко, вас здесь трое, а спросите меня, каково по целым дням в одиночку... на бульдозере, обругать – и то некому. На километры вокруг нет живой души. Как-то раз в прошлом году я уж подумал, что оглох совсем – кричу, пою, но от гула мотора ничего не слышно, хорошо, что не свихнулся.

ДЯДЯ ЛАМБО. Хотелось бы верить...

ВАНЬКА. Нет, дядя Ламбо, ты не прав, вот уж третий год пошел, как я ишачу тут, среди этих лесов, одинешенек, как Робинзон, знаешь, каково это?..

АНТОН. Так почему бы тебе не вернуться в город, а, Вань?.. Там многолюдье, красотки, кино... А?

ВАНЬКА. Кому-то все же надо жертвовать собой.

ДЯДЯ ЛАМБО. И это оказался ты?

ВАНЬКА. Сашко, скажи-ка мне, чего хотят эти люди? Чего они привязались ко мне? Простому бульдозеристу?!..

АНТОН. Который, если верить документам, трудится над приведением в порядок участков и улиц одного из кварталов города.

ДЯДЯ ЛАМБО. Которому, видать, суждено остаться таким, как был!..

ВАНЬКА. Но при чем тут я, простой бульдозерист? На то есть диспетчер, пускай у него голова болит. Он распределяет машины, он составляет отчеты по выработке...

АНТОН. И сколько Гечев дает ему на лапу?

ВАНЬКА. Саш, ты только глянь... ну что за люди... Мы же с вами одно предприятие, чего цепляешься... Ладно, лучше буду молчать, как...

САШКО. Как рыба.

ВАНЬКА. Ну да.

АНТОН. Эх, не мешало бы поесть рыбки... белой, из водохранилища.

САШКО. Да, только где ее взять?..

ДЯДЯ ЛАМБО. В "Золотой рыбке".

АНТОН. Знаю, но... А к ней – бутылку белого вина!..

САШКО. Эх, некоторые ловят, но нужна сноровка, не каждый способен... И наживка... навозные черви, жуки...

АНТОН. А лучше всего – бомбой. Швырнул – и собирай.

ДЯДЯ ЛАМБО. Кого собирать-то – милицию?

АНТОН. Ну дадут шесть месяцев – пустяк. Зато рыбы наешься вволю!

ВАНЬКА (*нервно*). Ладно, кончайте с этой рыбой!

АНТОН. Что с тобой, Вань, разве ты сам не любишь?

САШКО. Есть люди, которых от нее мутит.

АНТОН. Вань, а ты случайно не вегетарианец?

ВАНЬКА (*задумывается*). Так вот почему бульдозер исчез, значит... шеф приезжал?

САШКО. Приезжал.

АНТОН. А теперь очередь за милицией.

ДЯДЯ ЛАМБО. Могут и не пронюхать.

АНТОН. Саш, а за сведения о преступнике что дают? Часы?

САШКО. Могут и денежную премию.

АНТОН. Я думаю нужно взять деньгами. Часы-то как делить?

ВАНЬКА. Бросьте ваши шуточки... что сказал шеф?

САШКО. Сказал, что голову тебе оторвет. Собственноручно.

ВАНЬКА. Ц-ц-ц!.. Значит, это был он!..

САШКО. Еще один такой номер, и будешь сидеть на одной зарплате.

АНТОН. Он вовсе не собирался среди дня показывать милиции красоты родных гор.

ВАНЬКА. Ну и дела, если бы не он, сидел бы я сейчас в каталажке. Им же было до меня рукой подать.

АНТОН. А чего же не осматривался?

ВАНЬКА. Так рыба-то скользкая... трудно удержать... То ли озираться, не подоспела ли милиция, то ли ее заталкивать в пазуху... Перед этим я вроде осматривался, не было ни души.

ДЯДЯ ЛАМБО. Если придут – ты все утро был здесь, крутил... с нами. Никуда не отлучался.

ВАНЬКА. Так сказал шеф?

ДЯДЯ ЛАМБО. Да.

ВАНЬКА. Ясно. Крутил... вот так... *(Пытается поворачивать рукоять.)* Ну-ка, ну-ка, давай!.. *(Оставляет попытку.)* И как вы только с этим управляетесь!.. *(Садится на траву.)* А я ведь тоже умаялся, продираясь сквозь эти чертовы дебри...

АНТОН. Ну хоть одна рыбка-то досталась тебе? На один зуб?..

ВАНЬКА. Какое там!.. Я мигом включил третью и дал деру, тут было не до рыбы и ни до чего на свете... Чешу по крутизне, как заяц... Какая уж тут рыба!..

Слышен звук форсируемого мотора, визг внезапно включенных тормозов и застопоренных автомобильных шин, затем наступает тишина...

ВАНЬКА. Милиция!..

САШКО. Милиция!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну – как договорились!.. (*Берутся за работу.*)

АНТОН. Вань, ставишь бутылку анисовой? А не то – разоблачу!..

ВАНЬКА (*нервно*). Не дури, Антон!

АНТОН. Ты думал – спрячешься, да? Но у закона руки длинные!

ДЯДЯ ЛАМБО. Будто ничего не случилось... Крутите!..

АНТОН. Как так – ничего, преступник-то среди нас! А знаешь: тому, кто укрывает преступника, дают от года до трех лет?

ВАНЬКА. Ну чего ты хочешь? Чтоб услышали?

АНТОН. Зачем? Я им сам скажу. (*Раздается лай собаки.*) Не пытайся бежать, с ними собака. Она взяла след.

ВАНЬКА (*побледнел*). Я боюсь собак... меня в детстве кусали!..

(*Панически озирается.*) Антон!.. Прошу тебя!.. Антон!.. (*Взбирается на буровую установку.*)

АНТОН. Слезай, мы пошутили! Успокойся, никто ничего не скажет!..

Появляется Крумов, он явно не в настроении, видимо, опять поругался с женой. Проходит мимо, не здороваясь.

АНТОН. Эй, Крумов, ты чего это проходишь мимо, нас не замечаешь, будто мы – часть пейзажа?.. А где "добрый день"?

ВАНЬКА (*кричит с установки*). Эй, ты что – спятил?!.. Не можешь машину по-человечески припарковать?!.. Перепугал до смерти!..

КРУМОВ. Что это с ним?

ДЯДЯ ЛАМБО. Да он глушил рыбу... бомбой. Вот и струхнул, подумал – милиция.

КРУМОВ. Глушил – в водохранилище?

ДЯДЯ ЛАМБО. Там.

КРУМОВ. Ну, это уже варварство.

ВЕРГОВ (*с веранды своей дачи*). Да, Вань, варварство... нехорошо это...

ВАНЬКА. А ты там помалкивай, знахарь!..

САШКО. Причем в конечном счете рыбы ему не досталось. Остался при пиковом интересе... с бомбежкой.

КРУМОВ (*обрушивается на Ваньку*). Да ты, парень, в своем уме?!

Оттуда же люди воду пьют – это водоохранная зона...

ВАНЬКА. Так есть же фильтры...

КРУМОВ. Ага! Раз есть фильтры, то, может, нам туда атомную бомбу сбросить, так по-твоему? Это же естественный водный источник, в нем бурлит жизнь, помимо рыбы там знаешь сколько еще живых организмов обитает? А тут явился ты и все распотрошил своей бомбой!..

ВАНЬКА. Ладно, хватит, ты еще скажешь, что это я сбросил бомбу на Хиросиму!..

КРУМОВ. Рыба – это прекрасно, но лови ее удочкой, сачком... Почему обязательно – бомба?

ВАНЬКА. Да как же я буду сачком? Похоже – ты спятил... Ведь пока я буду сидеть и ждать, чтобы в сачок заплыла рыба, вся милиция выстроится в очередь, чтоб меня сцапать.

КРУМОВ. Тогда не лови. И без этого мы природу угробили – ловим, долбим, взрываем, вырубам... А не будем защищать природу, она нас тоже защищать не станет, как вы этого понять не можете!.. (*Сашко и Антону.*) Ну-ка беритесь за работу!.. (*Раздосадованный уходит в виллу.*)

ВАНЬКА. Еще чето, да я семь лет подряд бросаю бомбы в это водохранилище... тоже мне, нашелся указчик – Крумов!.. (*Разозлившись, тоже уходит.*)

Остальные втроем принимаются за работу. Тишина. Поют сверчки. Светит солнце.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дядя Ламбо, Антон и Сашко трудятся не покладая рук под певучее поскрипывание бура.. Вдруг появляется Таня. Занятые работой, они сначала ее не замечают.

ТАНЯ. Здравствуйте!.. (*Не веря своим ушам все прекращают работу.*
Пауза.)

АНТОН (*опомнился первым*). Дядя Ламбо!.. Мы же с тобой собирались сходить за водой!.. Пошли!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Да у нас полная бутыль воды!..

АНТОН (*смотрит на него выразительно*). Бутыль-то полная, а вот голова у тебя пустая.

ДЯДЯ ЛАМБО (*спохватывается*). А ты так и скажи... за свежей водой!.. (*Уходят.*)

САШКО. Здравствуй!.. Как ты меня нашла?.. (*Таня смотрит на него молча.*)

ТАНЯ. Тебе письмо.

САШКО. А! И ты его принесла?..

ТАНЯ. От твоей бабушки... она ведь не может прийти... и вот... попросила меня...

САШКО (*улыбается*). Ясно. Ты принесла письмо от моей бабки.

ТАНЯ. Она же старая, не может прийти. И попросила меня. Вот, возьми.

САШКО (*не берет протянутого письма, смотрит на Таню*).

ТАНЯ. Вот же оно. Ты что – не возьмешь?

САШКО (*продолжает молча смотреть на Таню*).

ТАНЯ. Тебе прочитать?.. Хорошо, я прочитаю... (*Разворачивает письмо, читает.*) "Здравствуй, внучек, вчера мне приснилось, будто ты топчешься в мутной воде. Как ты живешь? Смотри, береги себя, ты уже не маленький, и не простудись. Да гляди в оба, а то бывают и плохие люди"...

САШКО (*смеется*).

ТАНЯ. "Со мной все благополучно, перец подшевел, по тридцать шесть стотинок, жаль только – нету банок. Купила пятнадцать кил, дрова – одни пеньки, свалила в кучу, когда приедешь, наколем, топор дала наточить, правда, дорого взяли: шестьдесят стотинок, наждаки, мол, у них немецкие. Жакет твой готов, довязала, пуговицы пришью дедовские, со львами, смотри – не переутомляйся, твоя бабка". (*Таня*

протягивает ему пуговицу.) Вот. Сказала, чтоб я тебе дала. Дала лично в руки, мол, это ему на память о деде.

САШКО. Она с этими пуговицами... *(Берет пуговицу.)*...*(Смотрит на Таню.)*

ТАНЯ. А ты загорел.

САШКО. Солнце же. *(Застенчиво улыбается.)*

ТАНЯ *(улыбается в ответ)*. Ну да... А что вы здесь делаете?

САШКО. Да вот – буравим.

ТАНЯ. Что буравите?

САШКО *(ведет ее к установке)*. Землю. Вот здесь. *(Показывает.)*

ТАНЯ. И для чего буравите?..

САШКО. Ищем воду.

ТАНЯ. А потом что?

САШКО. Потом погрузим все на грузовик – и на другой участок.

ТАНЯ. А как вы поймете, что там есть вода?

САШКО. Вот здесь... *(Показывает.)* Станет мокро... *(Оба смущенно улыбаются, обоим явно хочется поменять тему разговора.)* А знаешь, что самое интересное? Мы вращаем Землю.

ТАНЯ. Как это??

САШКО. Понимаешь, когда бур не вращается, все кругом неподвижно: лес, виллы, дорога... А как начнем его вращать – сначала трогается с места лес, за ним – дорога... перемещается, исчезает, снимаются с места груши в саду, они ближе к нам и вращаются быстрее, а к ним присоединяется вилла. Дальше все повторяется: лес, дорога, груши – Земля вертится!..

ТАНЯ. Галлилей!.. А я-то удивлялась, как это она вертится.

САШКО. И знаешь, о чем я думаю, пока вращаю рычаг, – а ведь в самом деле движение есть форма существования материи, создатель всего?..

ТАНЯ. Что-то такое было... в физике...

САШКО. Вращаю и думаю: вот этим оборотом я создаю море, этим – песок, следующим – отель, в котором мы будем отдыхать с Таней...

ТАНЯ (*качает головой*). Нет, ты никогда не повзрослеешь.

САШКО. А как дела с отпуском? Почему ты не говоришь? Тебе дадут отпуск в сентябре? Почему молчишь?

ТАНЯ (*после паузы*). Вероятно дадут. У других сотрудниц есть дети, в сентябре начинаются занятия в школе...

САШКО. Вот увидишь, нам повезет... С погодой: ведь сентябрь – самый чудесный месяц на море, вода еще теплая... Ничего, что поздновато...

ТАНЯ. Это для для тебя ничего, а для меня...

САШКО. Ну, в чем дело опять?..

ТАНЯ. Мужчина может начать все сначала и в сорок и даже в сорок пять лет, а вот для женщины это уже поздно, в особенности для такой, как я – самой обыкновенной лаборантки. Когда мне стукнет сорок, все будет другое, я уже буду совсем другая, да и ты тоже. (*Пауза.*)

САШКО. Послушай...

ТАНЯ. Знаю, ты будешь работать, и я буду работать, мне известно все, что говорится в таких случаях и чему обычно верят. Ну так что? Разве я могу законсервироваться и проснуться такой, как сейчас, в сорок лет, когда у нас наконец-то будет свой дом, дети, когда мы сможем раздеваться и одеваться без паники... Это скитание по чужим квартирам, необходимость стискивать зубы и терпеть, все время

шептаться!.. Я не хочу разговаривать шепотом, понимаешь?.. Когда я с тобой занимаюсь любовью, я не хочу шушукаться, не хочу и после этого, не желаю вообще перешептываться... Понимаешь, не желаю...

(Таня по привычке переходит на шепот.)

САШКО. А ты не шепчи. Здесь можно кричать. Почему ты шепчешь?..

ТАНЯ *(пытается говорить громко, осматривается и опять говорит тихо, почти шепотом)*. Я хочу жить с тобой сейчас, неужели не понимаешь? Пока молодая, пока я тебя хочу, пока могу тебя любить.

САШКО *(кричит)*. Но почему ты шепчешь? Почему шепчешь сейчас?.. Почему?..

КАРТИНА ПЯТАЯ

Таня уходит, они снова поссорились. Сашко в отчаянии берется за работу, он изо всех сил пытается заставить бур вращаться... Наконец дело пошло: бур постепенно, медленно погружается все глубже, и вот наконец появилась вода...

САШКО. Водааа!.. Эй, есть вода!.. Появилась... Есть вода!.. Дядя Ламбо!.. Антон!.. Вань!.. Крумов!.. Водааа!..

ДЯДЯ ЛАМБО. У этого парня легкая рука!.. *(Подходит.)*

АНТОН. Bravo, Саш, поздравляю с первой водой!.. Bravo!..

ГЕЧЕВ. Счастливчик ты, Крумов, везет тебе!.. С тебя причитается!..

КРУМОВ *(на радостях прыгает, мажет себе лицо водой)*. Водааа!.. Водааа!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно. Удачливому всегда везет.

КРУМОВ. Правда, правда... А не могли бы вы мне заодно и колодец выкопать... Так и так вы еще здесь... Сколько будет стоить... Трубы я уже заготовил, хочу установить насос...

ГЕЧЕВ. Без ракии тут дело не обойдется.

КРУМОВ. Да какая ракия, я виски поставлю, виски!.. Эх, а я-то все не верил. Вроде бы и виноградные веточки задергались, и одно, и другое, а все же... А она здесь, водичка-то!.. Родненькая!.. Источник жизни!!..
(*Мажется, обливается водой.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Там, где стояла буровая установка, трое рабочих копают колодец. На ее месте установлена лебедка – барабан с толстым канатом, тяжелое железное ведро. На дне колодца Сашко – долбит землю и наполняет ею ведро. Дядя Ламбо и Антон наверху дожидаются, пока он подаст сигнал поднимать ведро.

АНТОН. Дядя Ламбо, скажи что-нибудь, чего молчишь...

ДЯДЯ ЛАМБО. Да что тебе сказать. О ком бы я ни повел речь, не успею назвать имени, как ты уж его с грязью смешал.

АНТОН. Э, нет, тут ты не прав. Но Крумов и правда счастливчик. В других местах по месяцу бурим – и ничего. А у Крумова и вода нашлась, и с колодцем все идет как по нотам...

ДЯДЯ ЛАМБО. Эх, и чего ты к нему привязался? Он человек добрый, хозяйственный...

АНТОН. Да, чересчур хозяйственный, до перебора. Когда человек начинает считать на дереве еще зеленые груши и помечать на схеме, где какая висит, чтобы уберечь от нас – вдруг стибрим, я на таком ставлю крест.

ДЯДЯ ЛАМБО. Просто он, того... облагораживает груши. И ему нужно знать про каждую, как она развивается...

АНТОН. Лучше бы он себя облагородил, а не груши... Я на таком ставлю крест.

ДЯДЯ ЛАМБО. Да ты на всех нас поставил крест.

Они поднимают наверх полное ведро, высыпают землю и опять спускают ведро вниз, в колодец, чтобы Сашко наполнил его нарытой им землей. Оттуда доносятся звуки глухих ударов кирки... Вдруг они затихают. Вместо них долетает крик Сашко.

САШКО. Антооон!.. Лестницу!.. Живо!..

Антон и дядя Ламбо переглядываются.

АНТОН (*наклоняется над колодцем*). Эй, что там стряслось?..

ДЯДЯ ЛАМБО. Для передыха вроде рановато...

САШКО. Опускай лестницу...

АНТОН (*опускает в колодец веревочную лестницу*). Готово, получай...

САШКО (*вылезает из колодца, бледный, дрожащий*). Ух!.. (*Садится.*)

АНТОН. Да что с тобой? Тебе плохо?..

ДЯДЯ ЛАМБО. Ох, да там, на глубине, небось, дышать нечем... сейчас попьешь водички... (*Бежит за водой.*)

АНТОН. Спокойно, спокойно... это пройдет... только успокойся... Ты что – ушибся?

ДЯДЯ ЛАМБО (*приносит бутылку с водой, наливает*). Попей, попей...

САШКО. Там внизу человек. (*Отворачивается, с трудом сдерживает рвоту.*)

АНТОН. Какой еще человек?.. Внизу?!..

САШКО. Да...

ДЯДЯ ЛАМБО. Попей, попей воды... (*Брызгает на него водой.*) Антон, у нас ракия найдется?

АНТОН. Мы ведь вечером всю выпили...

ДЯДЯ ЛАМБО. Свистни Ваньке, у него есть анисовая...

Антон принимается свистеть и делать знаки Ваньке, чтобы тот принес бутылку с анисовой водкой...

ДЯДЯ ЛАМБО. Спокойно, Саш... Успокойся, возьми себя в руки, не бойся.

АНТОН. Что значит – человек? Что он делает в колодце? Может, тебе показалось?

САШКО. Мертвый...

ВАНЬКА (*подходит*). Научитесь покупать себе ракию. И еще: по утрам пьют только... Ну? Что тут стряслось?.. Ему что – худо?.. Саш, ты выпей, выпей маленько!.. (*Протягивает бутылку, Сашко отпивает глоток.*)

АНТОН. Он говорит... внизу – человек.

ВАНЬКА (*недоверчиво*). Где это – внизу?

АНТОН. В колодце. Мертвый.

ВАНЬКА. Как это – мертвый?.. *(Догадывается.)* А кто копал – Сашко?..

АНТОН. Да.

ВАНЬКА. А вы туда спускались?

АНТОН. Нет. Сашко сейчас на него наткнулся.

ВАНЬКА. А вы бы слазили туда. Поглядеть... Может, ему показалось...

АНТОН *(качает головой)*. Нет. Если хочешь, слезь ты.

ВАНЬКА. Да, так я и слез. Почему это я?

АНТОН. Ты что – боишься?..

ВАНЬКА. Нет, но почему я. *(Обводит их взглядом.)* А вы, случайно, не разыгрываете меня?..

АНТОН. Какой розыгрыш, ты что – не видишь? Ему плохо! *(Кивает на Сашко.)*

ДЯДЯ ЛАМБО. Тут, брат, не до шуток.

ВАНЬКА *(смотрит в колодец)*. Да там темно, Антон!.. *(Колеблется.)*

Ладно, дай спички!.. *(Берет спички и спускается в колодец.)*

Антон и дядя Ламбо склоняются над колодцем. Сашко, бледный, безмолвный, стоит опустив голову. Через несколько минут Ванька вылезает из колодца.

ВАНЬКА *(протягивает что-то, завернутое в носовой платок)*. Да, там останки человека. Но он явно попал туда давно, почти ничего не осталось. Сохранилось только вот это. Пуговицы, перстень... оловянный, и – понятное дело – кости...

АНТОН *(рассматривает вещи, лежащие на платке)*. На пуговицах – львы... Глянь, дядя Ламбо...

ДЯДЯ ЛАМБО. Да, однако же... (*Сашко молча берет одну пуговицу и начинает ее разглядывать*)... И это все, что осталось от человека...

АНТОН. На перстне надпись: "С. И. 25. III. 1920 г."

ВАНЬКА. Наверно, дата свадьбы. (*Пауза, все молчат.*) Надо же – такая судьба!.. Чтобы именно на дне колодца!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну и дела!..

ВАНЬКА. Но как он оказался здесь, в этих местах? И почему его зарыли так глубоко...

АНТОН. Труп зарыл кто-то тайно. Ведь дачный поселок здесь появился недавно – лет семь или восемь тому назад. Раньше были дебри, глухомань.

ВАНЬКА. Кто же это сделал и почему?.. А?.. (*Пауза.*) Давайте-ка спросим нашего знахаря, он, бай Михал, небось, знает все, не зря же после двадцать третьего года он долго носа сюда не показывал!.. Эй, бай Михал!.. Бай Михал!.. (*Вергов появляется на веранде своей дачи.*)
Будь добр, иди сюда... на минутку!

ВЕРГОВ (*подходит*). Ну, добрый день!.. Зачем это я вам понадобился?

ВАНЬКА. Да вот, бай Михал, глянь, что мы нашли... (*Кивает на вещи, которые лежат на развернутом носовом платке.*) Там, на дне колодца... И кости человека... и это вот тоже его... (*Вергов, вытаращив глаза, смотрит на разложенные вещи.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Сашко копал и...

ВАНЬКА. Ты человек старый, многое помнишь, что думаешь: как попал сюда этот человек, а?.. Мы вот диву даемся. Ясно, это случилось не вчера, а много лет тому, но как он мог очутиться в этой глуши?..

ВЕРГОВ (*с изменившимся лицом*). "Тучи"!..

ВАНЬКА. Чтоооо?!

ВЕРГОВ. Двадцать пятый год!..

САШКО. Двадцать пятый?

ВЕРГОВ. После взрыва в церкви Святой Недели. Их тогда связали человек по десять-пятнадцать и куда-то угнали. Никто не вернулся – все исчезли бесследно... Ходили слухи, будто их где-то здесь...

(Озирается.)

ВАНЬКА. А причем здесь какие-то тучи?

ВЕРГОВ. Так убийцы, те, что убивали, между собой называли свои жертвы, для конспирации.

АНТОН. Что за идиотизм – тучи!..

САШКО. А может, это конокрад!.. Здесь они делили вырученные деньги, разругались и... А?..

ВЕРГОВ *(качает головой в знак несогласия)*. Так глубоко – на четыре метра?.. Нет, не конокрад это. А этот оловянный перстень... И эти пуговицы... Нет, нет, никакой это не конокрад. Его бы не стали зарывать так глубоко. Это из тех... кого в двадцать пятом году... Я помню, как их вели. Мимо окон моей лавки... А после этого они бесследно исчезли!.. Все до одного!.. *(Пауза. Все молчат.)*

КРУМОВ *(подходит с полной сумкой бутылок пива)*. День добрый вам всем!.. О, бай Михал, и ты здесь, здравствуй, как поживаешь?..

Неужели эти парни наконец-то начали пить твои настойки?.. Я давно им толкую, что жить надо природосообразно. Но они предпочитают по-другому... *(Обращает внимание на хмурые лица собравшихся и на их молчание.)* Что здесь стряслось? Чего вы молчите будто воды в рот набрали?

ДЯДЯ ЛАМБО. Мы нашли человека. Это вот его. *(Кивает на вещи, лежащие на платке.)*

ВЕРГОВ. Это с двадцать пятого года. Тогда бесследно исчезло много людей...

ВАНЬКА. "Тучи"...

КРУМОВ. Скажешь тоже... с двадцать пятого года!.. (*Рассматривает обнаруженные вещи.*) Где вы это нашли?

АНТОН. На дне колодца.

ВЕРГОВ. Это было после того взрыва. Их тогда связали... И никто не вернулся – все исчезли бесследно...

КРУМОВ. Значит, вы нашли это в колодце?

ДЯДЯ ЛАМБО. Да.

КРУМОВ (*задумывается*). Чепуху мелете! Двадцать пятый год, взрыв... Здесь были непролазные дебри, кустарник, лес...

САШКО. Именно поэтому.

КРУМОВ. Да как такое могло взбрести вам в голову... Кто был в колодце? Сашко?.. Ну, его хлебом не корми – дай пофантазировать...

ВАНЬКА. Ничего он не фантазировал, я ведь тоже спускался...

КРУМОВ. Сейчас увидим... (*Спускается по веревочной лестнице в колодец.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Саш, а может, тебе и правда... привиделось...

ВАНЬКА. А ты бы помалкивал, это же я достал... И там полно костей!

КРУМОВ (*вылезает из колодца*). Ерунда. Увидел корни и решил, что это кости... мертвеца. По телевизору-то другого не показывают – только убийства, трупы, вот людям и мерещится невесть что... Но ты-то, бай Михал, человек старый, непьющий, как мог попасться на их удочку!.. Нету там никакого человека!.. Никакого человека!..

ВЕРГОВ (*соглашается*). Возможно. Возможно. Не знаю. Они говорят... гляжу: перстень, пуговицы.

ВАНЬКА. Как это – "возможно"!.. Я же своими глазами видел!.. Или вы хотите сказать, будто у меня чердак не в порядке?!..

КРУМОВ. Ты увидел корни, и сразу – человек. Ничего там нет.

АНТОН. А это все – откуда? (*Указывает на обнаруженные вещи.*)

ВАНЬКА. Так я же их достал со дна. Вы хотите сказать, что я чокнутый?

КРУМОВ. Спору нет, ты их нашел там, на дне, никто ведь не говорит, что все было не так... Но это еще не означает, что там находился труп.

Эх, бай Михал, а ведь тебе известно, что я в прошлом году привозил сюда почву, чернозем, целых десять грузовиков... Для грядок...

надумал редиску сеять. Вот они с этой землей туда и попали.

ВЕРГОВ. Может быть. Может, и попали.

АНТОН. Но мы почему-то нашли их на четырехметровой глубине!..

Земля же, что ты привез, она наверху... И нечего очки втирать, разглагольствовать про редиску!..

КРУМОВ. Так ведь она, земля-то, перемешана... верх – низ... для плодородия...

ВЕРГОВ. Может, может. Возможно, так оно и есть, перемешана... может быть...

КРУМОВ. Я одного не могу понять, бай Михал, как ты можешь плясать под их дудку... Старый человек...

ВЕРГОВ (*оправдывается*). Да я... они мне показали пуговицы... на которых львы... и перстень...

КРУМОВ. Львы!.. Да они тебе что угодно покажут, но ты-то – я тебя спрашиваю – ты сам видел там человека?

ВЕРГОВ. Нет, человека не видел. Нет.

КРУМОВ. И не увидишь, потому что его там нет. Если не веришь, спустись туда со мной... *(Тянет его к колодецу.)*

ВЕРГОВ *(упирается)*. Нет... нет... раз ты говоришь... возможно ли...

КРУМОВ. Нет, идем, чтоб потом не болтали...

АНТОН. Эй, хватит меня дурачить?!.. *(Спускается в колодец.)*

ВЕРГОВ. Крумов, не надо, я тебе верю... ты меня знаешь... я непьющий... в рот не беру... с двадцать второго года... прошу тебя!

КРУМОВ. И пива по такому случаю не выпьешь? *(Намеревается открыть бутылку.)*

ВЕРГОВ. Нет, нет, спасибо, я алкоголя – ни капли... ты это знаешь.

КРУМОВ. Да какой алкоголь – в пиве!..

ВЕРГОВ. Нет, нет, я только настойки... на травах, ты знаешь... Я лучше пойду, у вас тут дела... будьте здоровы!.. *(Уходит.)*

АНТОН *(вылезает из колодца)*. Вот!.. *(Кладет на стол еще несколько пуговиц и покрытую ржавчиной крышку от карманных часов.)* Что ты скажешь теперь?.. Там этого добра полно!..

КРУМОВ *(осматривается, Вергова уже не видно)*. Ну ладно... полно – так полно!.. Но зачем шум поднимать?.. Надеюсь, у вас хватит ума не рассказывать об этом каждому встречному?..

ВАНЬКА. Ладно-то, ладно, а чего тогда лезешь в бутылку?

КРУМОВ. Да ведь можно попасть в такой переплет, что...

ВАНЬКА. В какой переплет?

КРУМОВ. А притащатся сюда из милиции, из музея, начнут рыть, ковырять... Дрянь дело!.. Зачем нам эти неприятности? Ведь так, дядя Ламбо?

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно. Лучше обойтись без лишних хлопот.

КРУМОВ. И выбросить все это как можно скорее, а не то - еще кто-нибудь наведается!.. *(Кивает на разложенные на столе предметы.)*

ВАНЬКА. А что – могут из милиции прийти?.. Антон, это правда?

КРУМОВ. Если они действительно окажутся с двадцать пятого года, придется тогда голову ломать, что с ними делать... И как вас угораздило наткнуться?!

АНТОН. Вот те и на – "как"?.. Ты же видел как!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Судьба!..

КРУМОВ. Большие неприятности могут быть. Если это с двадцать пятого, то он здесь не один, есть еще, наедут разные из города, все перевернут.

ВАНЬКА. Что перевернут?

КРУМОВ. Как что?.. Неужели не понимаешь? Возьмут да соорудят здесь памятник, а то и мемориал... Разве знаешь, что им придет в голову?!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно. А нам эта шумиха ни к чему, живем вот тихо, кротко.

ВАНЬКА. Ну, чтобы поднять шумиху из-за каких-то пуговиц...

КРУМОВ. О, ты не знаешь, какие неприятности могут свалиться на нашу голову из-за этих пуговиц!.. Ты даже представить себе не можешь!.. Хорошо, что я во-время приехал!.. И пиво захватил!..

Давайте-ка выпьем по одной!.. *(Начинает открывать бутылки с пивом.)*

САШКО. А как быть с перстнем?

КРУМОВ. Все... в землю.

САШКО. В землю-матушку, черную?

КРУМОВ *(не понял)*. Что?

САШКО. А человека?

КРУМОВ. Какого человека?

САШКО. А того... который внизу...

КРУМОВ (*оставляет пиво*). Да что это с тобой?

ВАНЬКА. Выпей-ка лучше пивка, не стоит об этом заботиться...

АНТОН. Саш, в чем дело?

САШКО. Дело в том... я не согласен.

КРУМОВ. Как это – не согласен? С чем?

САШКО. Зарывать. Я не знаю... но...

АНТОН. А что с ними делать?

КРУМОВ. Они тебе нужны?

ВАНЬКА. Если нужны – забирай! Все!.. Но, по мне, пуговицы эти – дерьмовые.

САШКО. Мне они не нужны.

КРУМОВ. А кому нужны? Тебе, дядя Ламбо?

САШКО. Его жене. Или его детям, все равно.

ДЯДЯ ЛАМБО (*удивленно*). Да ты это... про чьих детей толкуешь?

САШКО. Того... что внизу...

ДЯДЯ ЛАМБО. А ты случайно не того... Какие дети? Разве мы знаем, кто он, откуда? И про какую жену толкуешь, прошло шестьдесят лет, уцелели одни только эти пуговицы, а он жену приплел... Где ты ее отыщешь – эту жену?.. (*Сашко молчит.*) А?..

ВАНЬКА. Да, может, он вообще был неженатый. И детей у него не было. Как знать?.. Кто он такой, откуда...

САШКО. Ты разве не говорил, что на перстне выбита дата свадьбы?.. А теперь – "не женатый"!..

АНТОН. А ты не говорил, что, может, он конокрад?..

САШКО. Кто он такой, разберутся, ведь сохранились инициалы... Для этих дел есть специальные люди...

ВАНЬКА. Значит, опять все упирается в милицию... да пошли вы!..

КРУМОВ. Вы смеетесь, а ведь Сашко прав. Пожалуй, придется заявить в милицию.

ВАНЬКА. И ты, Крумов, туда же! Перестань!..

КРУМОВ. Но если заявятся, ждите больших неприятностей. Говорю вам как своим, близким людям. Вы ведь уже столько времени работаете здесь... А вся беда в том, что пострадаю не один я, вы – тоже. Вот и прикиньте. Никто из нас не заинтересован, чтоб они приехали и стали копать. Все перетрясут, прицепятся и к буровой, и к бульдозеру, и Гечева, и вас, одного по одному, в покое не оставят, ну, положим, вы – не преступники, но ведь каждый хоть раз да чем-то проштрафился...

ВАНЬКА. Какое – хоть раз!.. Мне крышка!.. Государственная машина, государственное горючее, по официальной версии я работаю совсем в другом месте... Гечев вроде бы договорился с начальством, но, если выйдет неувязка, всю вину свалят на меня, я знаю, сами-то они выкрутятся...

КРУМОВ. Гечев выручит, ему ничего не могут сделать, но работы здесь придется свернуть месяца на три или четыре, пока будут проводить расследование...

ВАНЬКА. Да какое расследование?! Антон, что за небылицы он говорит!

КРУМОВ. А вас такое прекращение работ разорит. Пройдет лето, осень – и конец. Как выпадет снег – ваша песенка спета. А ведь каждый уже сделал расчет, наметил, на что потратить деньги, которые заработает,

вы ведь не миллионеры – такие здесь не горбчатся... И вот тебе на – останетесь с носом!

ДЯДЯ ЛАМБО. Так оно, упустим ли эти месяцы – пиши пропало. Мы на них рассчитываем.

ВАНЬКА. И рыбу мне припомнят, да мало ли чего еще... могут и в каталажку упрятать!.. Ох, Саш, закапывай-ка ты скорее эти дерьмовые пуговицы, а то меня уже трясучка начинает бить!..

САШКО. Ладно, Вань. Но... ведь в этом... есть что-то противозаконное. И мы все это знаем, ведь так?..

КРУМОВ. Ну почему же? Что здесь противозаконного?

САШКО. Да... так получается.

КРУМОМ. Ведь не я же его убил, этот участок мне достался пять лет тому назад. А когда эти дела творились, меня еще на свете не было.

САШКО. Само собой... ясно... речь не об этом...

ДЯДЯ ЛАМБО. А о чем? Это все было и прошло, уж столько годков с той поры пролетело... Если бы мы не копали, неужто бы кто-нибудь про это узнал? И что нам до этого?.. Мы тут горбатимся, делаем свое дело, и нас это не касается... Нанялись выкопать человеку колодец, так давайте выкопаем – вот и все... Будем заниматься своим делом.

САШКО. Так-то оно так, да только наше дело – копать, а не закапывать... Правда?

КРУМОВ. Что ты хочешь сказать?

АНТОН. Да ты куда это клонишь?

САШКО. А, чего уж!.. Смотри, что получается: живешь себе, чего-то добиваешься, надеешься и... ну-да... понятно. И вдруг – тебя нет. Ты исчез. Ночью увели – и ты исчез, растаял в тумане. Пропал без вести...

ВАНЬКА. Если я хоть что-нибудь понял!..

САШКО. Ну, хорошо, но ведь след-то должен остаться – корень, мы вот тут говорили про знаменосца отряда Христо Ботева, про память, а теперь?..

ВАНЬКА. Да какой он знаменосец, конокрад он!..

САШКО. Потому, что это тебе удобно!.. Разве не так?..

ВАНЬКА. И чего ты завелся?.. Ведь еще ничего неизвестно!..

САШКО. И поэтому – давайте его зароем? Опять?.. Мол, все равно ничего не известно?.. Те, кто его здесь зарыл, именно на это рассчитывали: все будет шито-крыто.

ВАНЬКА. Эй, да ты говоришь о нем так, будто он – знаменосец... А он просто-напросто конокрад.

САШКО. Ладно, так и быть, может, и конокрад, но почему не проверить? Что нам стоит? Отдадим перстень на экспертизу... Ведь хоть какой-то след должен остаться от человека... Чтоб знали дети, внуки...

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну, это дело другое.

САШКО. Получается, что мы убьем его и зароем второй раз. И на этот раз – навсегда.

ВАНЬКА (*грозит ему указательным пальцем*). Саш!..

САШКО. А если убийцы его еще живы?

ВАНЬКА. Ооо! Антон, объясни ему ты, я сейчас взорвусь...

АНТОН. Гиблое дело! Ведь существует срок давности, и тут уже ничего нельзя сделать.

САШКО. Не может быть срока давности для всего.

АНТОН. Как знать, чем это может обернуться, когда все раскроется?..

Отсюда позвонят, оттуда поинтересуются, сплошная потеря времени... а толку от всего этого – ноль.

САШКО. А ведь ты знаешь, что не прав.

АНТОН. Давность. Есть срок давности – и точка.

ВАНЬКА. Какую давность ты имеешь в виду, Антон? Если он конокрад?..

АНТОН. Да причем тут конокрад!.. Никакой он не конокрад, но срок давности существует.

САШКО. Так я же и говорю: давайте проверим. Вот и Крумов сказал, что тот, внизу, скорее всего не один, что есть еще. Если есть...

КРУМОВ. Постой, постой, вы чересчур углубляетесь. Мы люди свои, давайте не будем ссориться... Да, возможно, все случилось в двадцать пятом, а может, в каком-то другом, но удобно ли предавать это гласности?.. А? Как бы не угодить в историю!.. Ведь никакой определенности нет – может, так, а может, и этак.

САШКО. Но давайте хотя бы проверим. А то ведь... нечестно...

ВАНЬКА. Да перестань носиться с этой честностью!.. Ты вот честный, ну и что?.. Попадешь в газету!..

САШКО. А если бы это был ты? На его месте? И от тебя не осталось никакого следа, и никто бы ничего не узнал? Даже – как ты умер.

ВАНЬКА. Большое дело, мне, уже мертвому, будет до лампочки – узнают про это или нет.

АНТОН. Да ерунда все это!.. Саш, послушай меня.

КРУМОВ. Мы рассуждаем слишком односторонне. Давайте-ка лучше подумаем о себе, а то мы все про него. А ему уже ничего не надо – ни хлеба, ни воды. Во-первых, мы не знаем, кто он и когда сюда попал, одни предположения. Во-вторых, мы рискуем потерять намного больше, чем выиграем, если здесь все перекопают и вас отсюда выдворят.

ВАНЬКА. Лето – к чертям. А я могу очутиться в тюрьге. Саш, ты вот, мать честная, обо мне не думаешь, а мы ведь с тобой друзья, и я живой... ты же все о нем заботишься.

ДЯДЯ ЛАМБО. Ну а мне сейчас ох, как туго, я жду этих денег, как... Дом-то мой вскорости снесут...а у меня на руках двое студентов... нет, вы эти шутки бросьте!..

АНТОН. А главное – это бессмысленно.

ДЯДЯ ЛАМБО. С этими твоими фантазиями, Сашко, мы останемся без гроша. Сидел бы смирно!..

ВАНЬКА. Ты же сам откладываешь ... на море! С Танюшкой!.. Да ты что – не понимаешь? Ведь все полетит к чертям! Крест на всем! И на Тане тоже. Не станет она дожидаться нового лета!.. И без того уже не первой молодости!.. Найдет себе какого-нибудь... денежного и...

САШКО (*молчит*).

ВАНЬКА. Ты слышишь, что я тебе толкую?

АНТОН. Чего молчишь?

ДЯДЯ ЛАМБО. Люди тебе добра хотят... (*Машет рукой.*) Опять витаешь!

ВАНЬКА. Нет, он не витает, он уперся, как баран.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Солнце заходит, и на небе над поселком загорается пурпурный закат. Все герои, в том числе и присоединившийся к ним Гечев, сидят за столом, уставленным бутылками.

ГЕЧЕВ. Какой красивый закат – специально для тебя, Крумов, ты только глянь, какое чудо, видно километров за двадцать – и воздух такой пряный, прозрачный!.. И ничто не мешает глазу радоваться!..

КРУМОВ (*уныло*). Да, закат красивый, грех жаловаться.

ГЕЧЕВ. Сидишь тут, беседуешь с приятелями, кругом леса, воздух – как из хрустала... Вот это жизнь. Так живут умные люди. Правда, Саш?

САШКО. Правда. Кто может.

ГЕЧЕВ. Да. На этом этапе не все могут. Но цель должна быть ясной. Для всех этапов. Ну что, продолжим заседание дискуссионного клуба?

ДЯДЯ ЛАМБО. Нету здесь никакого клуба. Сашко вот развивает фантазии, но ничего, выправится. Больно зеленый еще...

ГЕЧЕВ. Молодость, бай Ламбо, не порок. Наоборот. Годы-то теперь важны только для пенсии, вся загвоздка в том, можешь ты или нет...

ДЯДЯ ЛАМБО. Так-то оно, да... Кое в чем он пока ничего не смыслит.

ГЕЧЕВ. В чем же это?.. А, Саш?..

САШКО. Я говорю: нужно проверить, выяснить истину.

ГЕЧЕВ. Так... Истину, говоришь. А потом?

САШКО. Что значит – потом?

ГЕЧЕВ. Я спрашиваю, что потом. Выясняется истина, а потом?

САШКО. Потом ничего. Пока еще рано говорить о том, что будет потом.

ГЕЧЕВ. А потом, Саш, твоя карта будет бита. Что бы ни произошло... Кем бы ни оказался тот, что на дне колодца, ты останешься в проигрыше. Вот что будет потом. (*Пауза. Все молчат.*) Само собой, человек не может всегда выигрывать, иногда ему приходится быть в накладе. Но все-таки он как правило проигрывается не до конца, кое-

что остается. А в нашем случае ты потеряешь все – и никакой выгоды не получишь. И никто не получит. В принципе ты прав, но мы не дети, и играть в принципы нету смысла. На принципы не проживешь – хлеб стоит денег.

САШКО. Согласен, да ведь и не хлебом единым...

ГЕЧЕВ (*качает головой*). Правда сегодня никого не интересует, мой мальчик. Если бы я интересовался правдой, то умер бы с голоду...

ВАНЬКА. Да чего тут рассусоливать!.. С самого утра пробуем втолковать этому остолопу!.. И чего только мы с ним церемонимся!

ГЕЧЕВ. Погоди, Ванька!.. (*Обращается к Сашко.*) Послушай, ну ладно: одно-два сумасбродства в жизни можно себе позволить, не то – чего доброго деградируешь. Но все время так поступать не стоит.

Жизнь любит не принципиальных, а сильных. Перед ними кладет поклоны. И ты таким поведением себя погубишь.

ВАНЬКА. Ладно, черт с ним, себя пускай губит, но он хочет погубить и нас!..

АНТОН. Слушай... может, хватит плакаться!..

САШКО. Видите ли, я понимаю... ясно...однако... почему бы не проверить, что здесь такого...

ГЕЧЕВ (*взбешен*). Давайте договоримся: или вы это дело спускаете на тормоза и работаете как прежде или я буду искать других людей!.. А вы – убирайтесь куда глаза глядят!.. Понятно?!.. Я ему как человеку толкую, а он читает мне лекции про то, как должно быть!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Все ясно, товарищ Гечев, вы не беспокойтесь – мы это закопаем, и шабаш.

ГЕЧЕВ. Это вам нужно беспокоиться, у меня проблем нет. Желающих занять ваше место – сколько хочешь. Хоть пруд пруди. Вы бы

поменьше переживали, а выкручивались поскорее, если завтра не столкнетесь – все, конец!.. Понятно?!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Столкнемся, не я буду...

ГЕЧЕВ. Вот когда договоритесь, тогда и деньги получите. А сейчас денег нет.

ВАНЬКА. Товарищ Гечев!..

АНТОН. Как же так? Ведь мы до сих пор работали!..

ГЕЧЕВ. Такие вот дела!.. (*Уходит.*)

КРУМОВ (*идет с ним*). Слушай, Гечев, помоги мне, не сможешь – я пропал!.. Только ты способен с ними справиться!.. Так помоги, будь человеком!

ГЕЧЕВ. По-моему, тебе сам Господь не в состоянии помочь, но как знать, может, и улыбнется счастье... если ты что-нибудь придумаешь... Только нужно поторопиться... Еще этой ночью... Не то – пиши пропало.

КРУМОВ. О, Гечев!.. (*Гечев похлопывает его по плечу и пропадает в темноте.*)

АНТОН (*за столом*). Эй, парень, давай с тобой договоримся раз и навсегда!.. Был бы ты сам по себе – поступай, как знаешь, хочешь – вешайся!.. Но ты работаешь с людьми, мы – бригада. Честно ли с твоей стороны выкидывать такие номера? Чем мы виноваты, что ты еще зеленый – молоко на губах не обсохло?.. Тот, может, лежит там с двадцать пятого, тридцать пятого или сто пятого года!.. Меня это не интересует!.. Каждый из нас работает, надрывается – нужда заставляет. Вкалываем честно, с утра до ночи, не ворует, никого не убиваем... Ничего общего с этим делом не имеем!.. И если ты работаешь с людьми, то думай о них, а не черт знает о ком!.. Не то...

ДЯДЯ ЛАМБО. Мы тебя взяли, чтоб подмолотил денег... на море, с Таней, ты попросился, а теперь хочешь и нам все провалить... Такая, значит, твоя благодарность?

ВАНЬКА. Ты вот осенью вернешься в университет, выучишься, станешь инженером, начальником, будешь загребать премии, а мы?..

АНТОН. Нам-то куда податься?.. У нас кроме этой работы другой нет.

САШКО. Ладно, Антон, да я все понимаю... понимаю... Но так ведь тоже нельзя – хватать кого-то, убивать, закапывать, ликвидировать его только потому, что ты сильнее... И все. На этом конец. Все шито-крыто. Для чего же мы тогда живем?.. Тогда все очень просто... несколько выстрелов, несколько метров земли сверху – и все в порядке... Кто не согласен – тому крышка... Исчез, растворился... Для чего же нам тогда эти деньги?.. Выходит, те, кто его здесь зарыл, знают нас лучше, чем мы сами.

ВАНЬКА. Полная ерунда!.. Да почему ты не подумаешь о себе, о нас, ты же слышал, что сказал Антон. О живых!..

САШКО. Да ведь он тоже был живой. Не всегда мертвый. *(Пауза.)*

ВАНЬКА. Слушай ты, подонок!.. Ты что – не понимаешь: из-за твоей дурачности мы останемся не солоно хлебавши?.. А?.. И знаешь ли ты, что меня могут посадить в тюрьму? Я что – для того здесь, на безлюдье, маялся годами, чтобы притащился сюда подонок вроде тебя, и все провалил!.. И ради чего?.. Спрашиваю тебя, ради чего?!.. *(Сашко молчит.)* Застегни свой рот, а не то – я за себя не отвечаю, так и знай!.. На восемь месяцев посадят или на восемь лет – мне без разницы!.. Как выйду из себя – раскрою тебе голову, так и знай!.. Будь человеком, а не то – не отвечаю!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Тише, тише, не горячитесь, он все поймет, наш он парень, такой же как мы...

ВАНЬКА. Если такой как мы, то пусть помалкивает.

САШКО. Как бы не так.

ВАНЬКА. Будешь молчать!

САШКО. Мое дело : захочу – буду молчать, а нет – не буду. Тебя не собираюсь спрашивать!

ВАНЬКА (*выходит из себя*). Ах, твою мать!.. (*Набрасывается на Сашко с кулаками. Завязывается драка, в которую вмешивается Антон. Дядя Ламбо пытается разнять дерущихся.*)

ДЯДЯ ЛАМБО. Да вы что – одурели?.. Сашко... Антон... Ванька...
Погодите... Стойте... Ванька, уймись... (*Появляется Крумов, с его приходом драка прекращается. У Сашко на лице кровь.*)

АНТОН. Так. Пусть это послужит тебе уроком солидарности. Иди сюда, умойся , я буду сливать из бутылки. (*Отходят в сторону.*)

КРУМОВ. Вы с ума сошли!.. Ненормальные!.. (*Антон поблизости помогает Сашко умыться, сливает воду из бутылки.*) Давайте договоримся!.. До сих пор я считал вас приятелями и разумными людьми, но вижу, что ошибся. Поэтому переворачиваю страницу. Участок этот мой!.. И все, что на нем, мое!.. Что я с ним буду делать, это никого не касается. Чтоб вы знали!.. Это не ваше дело!.. Я вас нанял, чтоб вы здесь работали, и ничего больше!.. И вы будете делать то, что я скажу! А нет – пошли вон!.. Здесь я хозяин всего!..

САШКО. Только не смерти, Крумов, ее за деньги не купишь, и память не твоя, а того, что там, на дне...

КРУМОВ. Молчать! Хватит болтать, а то – как бы я не начал!..

ВАНЬКА. Эй, тебе еще всыпать?.. *(Направляется к нему, Антон его останавливает и уводит Сашко.)*

КРУМОВ *(посматривает на остальных)*. Ну? Что дальше?

ДЯДЯ ЛАМБО. Не знаю. Поди завтра удастся уговорить его.

КРУМОВ. А если не уговорим?

ВАНЬКА. Это я не уговорю? Буду лупцевать, пока не останется ни одного зуба!.. *(Пауза.)*

КРУМОВ Отберут у меня участок!.. Если в самом деле окажется, что тот с двадцать пятого, отберут. И он не один, это ясно, наверно, там есть и другие. Предчувствую, что отберут, а предчувствие меня никогда не обманывало...

ВАНЬКА. У тебя же связи...

ДЯДЯ ЛАМБО. С помощью связей, Крумов, можно все утрясти.

КРУМОВ *(вздыхает)*. Не получится, ничего не выйдет, с этими вещами шутки плохи. Что касается всего другого – да, но в таком деле никто не посмеет заступиться... И миндальничать не будут. Отберут участок – и все!.. Столько трудов, неприятностей, столько денег – и все коту под хвост!..

ДЯДЯ ЛАМБО. Так ведь компенсируют, Крумов, дадут другой!..

КРУМОВ. Знаю я эти компенсации – дадут у черта на рогах, где одни камни и ни электричества, ни воды... А с домом как быть? Его ведь не перенесешь!.. А посаженные деревья, лес... Почему именно со мной это должно было случиться, именно на моем участке?! Чтоб ей пусто было – этой воде, лучше бы я этого не затевал...

ВАНЬКА. Успокойся, Крумов, все образуется!..

КРУМОВ. Образуется!.. Почему сейчас?.. Почему именно сейчас, когда я все закончил и мог бы зажить по-человечески?.. И откуда взялся на

мою голову этот парень?.. С какой стати его принесло именно ко мне?.. Я, что ли, самый грешный на этой земле?.. Ну скажи мне, дядя Ламбо, почему он так поступает! Чего добивается?.. Почему мешает людям, не оставит их в покое?.. Да он со своими придумками за всю жизнь не удосужится себе дом построить... Нет, мы не были такими, мы в молодости другими были, мыкались, терпели... старались что-то создать, а эти только рушат, разваливают, все отрицают... Отберут у меня, я это знаю!.. *(Удрученный свалившейся на него бедой, Крумов направляется к вилле, еле волоча ноги. Ванька идет за ним следом.)*
ДЯДЯ ЛАМБО *(им вдогонку)*. Ну и пусть отберут!.. *(Идет в другую сторону.)*

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

К столу у колодца подходят и подсаживаются к нему Сашко и Антон. Они продолжают начатый разговор.

АНТОН. Ты готов погубить свою жизнь ради какой-то навязчивой идеи. Таня тебя любит, и ты ее любишь. Время подошло, дважды оно не приходит. Я тебя не агитирую... Но, пока ты будешь отстаивать свою идею, другой человек, в другом месте женится на твоей девушке, и она будет рожать ему не твоих детей... Вот так, брат. Ты будешь бороться, а Крумов – слушать, как поют сверчки!..

САШКО. Ладно, но скажи, ты можешь переступить через это... просто так? *(Перебирает пуговицы и перстень, которые лежат перед ним на носовом платке.)* И все забыть...

АНТОН. Я могу.

САШКО. Просто так, будто ничего и не было?..

АНТОН. Могу.

САШКО. Может, это глупо, ненормально, но я не могу... не знаю, почему... Я не из упрямства, просто не могу. Мы вот здесь о чем только не говорили: и о том, где похоронен Левский, и о знаменосце отряда Ботева, а когда пришло время всего только пальцем пошевелить, заявили: нету смысла. Мол, давайте все забудем, словно этого вовсе не было. Конокрад, знаменосец – да какая разница. Он просто не существовал. А ведь завтра они и на нас так же могут поставить крест, как мы поставили, а потом другие – на них... Потому что, мол, неудобно. А кто знает, что им будет неудобно завтра?.. Понимаешь, до чего так можно дойти? До нашего Вергова, который всю жизнь остерегается и притворяется, дескать, его дело сторона... и так до следующего перстня... Может, моего, а может, и твоего... Возможно, я не прав, не знаю... Но насильно не заставьте. Насильно со мной не получится.

АНТОН. Да будет тебе... Не обращай внимания на Ваньку.

САШКО. Дело ведь не только в Ваньке. А в том, что каждый день кто-нибудь решает, что ему кое-что неудобно. Например, неудобно думать... или не соглашаться... Или помнить о тех, кто жил до нас... или не забывать чего-нибудь чего-то еще... Да так...

АНТОН. Ну, хорошо, но почему именно мы должны помнить? Мы с тобой?..

САШКО. А кто же?.. Назначением не получается... ты – или не ты.

АНТОН. Ох, я, пожалуй, пойду – лягу, слишком много сегодня накопилось всего, есть над чем подумать, разобраться... *(Встает и уходит.)*

КРУМОВ (*подходит к оставшемуся в одиночестве Сашко*). Сашко!..
Давай поговорим спокойно, а то мы тут оба разгорячились – и ты, и я...

САШКО (*молчит*).

КРУМОВ. Ты ведь парень интеллигентный, должен меня понять...
Видишь ли, дело обстоит так: если окажется, что это случилось в двадцать пятом, я лишусь всего – и участка, и виллы, и посаженных деревьев... Да, я получу компенсацию, но ты же знаешь, как у нас компенсируют – на краю света... в дикой, каменистой местности, где никто не берет... Придется начинать с нуля... А я уже стар начинать с нуля... Уже не осталось ни нервов, ни здоровья, ни денег... Ты, может, не поверишь, но вот здесь, на все это потрачены лучшие годы моей жизни... Ведь надо было утрясти вопрос с участком, потом обивать пороги разных канцелярий по поводу планов, разрешений, раздобывать материалы, договариваться со строителями... того нет, этого нет...
Дождь, снег... Невольно поседеешь... Тебе ведь известно, как это бывает. Я тебя понимаю, но постарайся понять и ты. Ты думаешь о том человеке, о его детях, о жене... Ладно. А я разве не человек? Разве у меня нет матери, жены, детей?.. А знаешь, с каких пор я не видел своей матери... из-за этой виллы, даже не знаю – жива она или нет... Живет тихо-мирно в своем деревенском доме, и кто знает, как она там... Вот где правда, Сашко, и давай договоримся по-мужски... я одному тебе это говорю... если у меня отберут виллу, семья моя летит ко всем чертям... моя жизнь с женой висит на волоске... если я все потеряю, она от меня уйдет...

САШКО. Да ведь могут и не отобрать, Крумов, почему ты так уверен, что отберут. Установят здесь плиту...

КРУМОВ. Я на "могут" – "не могут" рассчитывать не должен. .. Для меня – все висит на волоске... Ты можешь, ты еще молод, а я...

САШКО. Да не верю я, что отберут...

КРУМОВ. Послушай, знаю: ты в затруднении, не то, чтобы... однако... я дам тебе денег... сколько захочешь... послушай... две, три тысячи. Не разорь меня, умоляю, вот, на колени стану. (*Опускается на колени.*)... Не разорь меня, Христом Богом прошу...

САШКО (*в сильном смущении, пытается его поднять*). Не надо, Крумов!.. Ну, что ты!.. Встань!.. Дело не в этом... я просто... не могу через это перешагнуть, понимаешь... это засело здесь, внутри... хочу – и не могу... понимаешь...

КРУМОВ. Да что ты за человек такой! Что вы за люди!.. (*Поднимается с колена.*) Убирайся!.. Пошел вон, мерзавец!..

Сашко молча уходит. Крумов остается один. Он сидит за столом, на который падает слабый, мерцающий свет фонаря, привлекающий мелких мошек. Появляется Ванька.

ВАНЬКА. Ну что? Согласился?..

КРУМОВ. Подонок!.. Абсолютный подонок!..

ВАНЬКА. Значит, не согласился?.. Совсем рехнулся, придурок!.. И что теперь делать, а, шеф?..

КРУМОВ. Что делать... (*Переводит глаза на лежащий на столе носовой платок, в который завернуты пуговицы, оловянный перстень и крышка от карманных часов.*) Послушай, возьми этот хлам и зарой в лесу... Где-нибудь подальше... Собери и то, что осталось там, на дне... Если он кому-нибудь скажет, будем говорить, что ему это спьяну

привиделось, ничего такого там нет... Кому поверят – нам, четверым, или ему?.. И поскольку нет вещественных доказательств...

ВАНЬКА. Будет сделано.

Кладет в карман платок с вещественными доказательствами, спускается в колодец, а через некоторое время вылезает и исчезает в темноте. Крумов, задумавшись, сидит за столом в одиночестве.

КРУМОВ. Ничего не выйдет... Если он заговорит, достаточно будет покопаться сбоку, и, если там окажутся другие, то все – конец!.. Нет, этому подонку надо заткнуть рот... он должен замолчать – это единственный выход... чтоб замолчал... замолчал... *(Встает и уходит в виллу.)*

Сашко не сидится в палатке, где уже уснул Антон, он идет к столу, чтобы поговорить с Крумовым. Но тот уже ушел. Внезапно Сашко замечает пропажу платка с вещественными доказательствами.

САШКО. Ну, конечно... они их спрятали... как я раньше не сообразил... Антон!.. Антон!.. *(Бежит к палатке и возвращается с Антоном.)*

АНТОН. С тобой явно не все в порядке... как ты мог меня разбудить...

САШКО. Они сперли... замели следы...

АНТОН. Ну и слава Богу... все разрешилось само собой... *(Зевает.)*

Эй, идем-ка спать...

САШКО. Ничего у них не выйдет. Принеси мне фонарик... тот, поярче, чешский.

АНТОН. Что ты собираешься делать?..

САШКО (*взбудораженный*). Ты принеси... Они, наверно, и внизу все расчистили, но я накопаю еще...

АНТОН. Ты спятил... среди ночи...

САШКО. Крумов завтра может меня прогнать... Он так и сделает, я это знаю, поэтому избавился от всего... Иди потом – доказывай... Ну же, принеси фонарик, я спускаюсь...

АНТОН. Чокнутый... (*Идет к палатке.*)

Сашко берет кирку и по веревочной лестнице спускается в колодец. Оттуда начинают доноситься удары кирки – он принялся копать при лунном свете. Из виллы, привлеченный звуками голосов, появляется Крумов. Он направляется к колодцу... уже подойдя, споткнувшись обо что-то, поднимает шум.

САШКО (*со дна колодца*). Антон!.. Да, здесь есть еще!.. Слышишь?.. Я накопал полное ведро, поднимай!.. Посмотрим теперь, удастся ли Крумову все это спрятать!..

Крумов принимается крутить ручку лебедки, поднимать полное ведро – все выше и выше. И вот ведро – тяжелое, чугунное – уже наверху, дальше поднимать некуда, не позволяет канат. Крумов думает – секунду, две, три... И бросает ручку. Полное ведро со страшной скоростью падает вниз, канат разматывается... глухой удар... тишина... Крумов стоит, не двигаясь...

АНТОН (*появляется с фонарем*). Что случилось?.. (*Крумов, опомнившись, убегает.*) Сашко!.. (*Антон подбегает к колодцу.*)

Сашко!.. Сашко!.. Сашкоооо!..

К о н е ц